Элеонора Кременская

Под покрывалом белых облаков

Элеонора Кременская

Под покрывалом белых облаков

«Издательские решения»

Кременская Э. А.

Под покрывалом белых облаков / Э. А. Кременская — «Издательские решения»,

Кто не знает, что на том свете нас ждут черти с вилами? Что грешникам уготована геенна огненная? Все знают, но не боятся, считая тот свет далеким и фантастическим миром чьих-то грез. Чьих? Вероятно, священников и монахов! Но существует ли тот мир на самом деле? Проверить можно только после смерти…

© Кременская Э. А.
© Издательские решения

Содержание

Под покрывалом белых облаков 7
1 7
2 9
3 11
4 13
5 14
6 16
7 18
8 20
9 22
10 25
11 27
12 29
13 31
14 33
15 35
16 37
17 39
18 41
19 43
20 46
21 48
22 51
Рассказы отца Димитрия 53
Вместо вступления 53
Немного о селе 55
1 56
2 57
3 58
4 59
5 60
6 61
7 62
8 63
9 64
10 65
11 66
12 67
13 68
14 69
15 70
16 71
17 72
18 73
19 74
20 75

Конец ознакомительного фрагмента. 76

Под покрывалом белых облаков
Элеонора Александровна Кременская

© Элеонора Александровна Кременская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Элеоноре Кременской сорок пять лет, живет она в Ярославле. Поступив пятнадцати лет в ярославскую Школу Юных Журналистов (ШЮЖ) имени Николая Островского немедленно начала публиковаться в областной молодежной газете «Юность».

Ее произведения выходили в таких газетах и журналах, как «Юность», «Северная Магистраль», «Караван-Рос», «Автолига», «Ярославский агрокурьер», чикагском «Лексиконе», «Союзе писателей», «Моссалите», «PS-журнале». Ее рассказы были опубликованы в альманахах «Российский колокол», «Лауреат», «Пишущая Украина».

Будучи членом Международного Союза Писателей «Новый Современник», она была отмечена союзом многочисленными дипломами за писательское мастерство.

Являясь, по сути, чрезвычайно общительным и эрудированным человеком, в считанные дни Элеонора собрала вокруг себя целую армию поклонников своего таланта.

В православной церкви, она – непризнанный демонолог. Частенько, в ее небольшой квартирке, на окраине Ярославля, можно встретить ведущих экзорцистов Ватикана, к которым она проявляет максимум участия.

Автор серии книг «Пьяная Россия», автор подростковой фантастики «Покорители мира. Живые истории», «Гении». Автор «Записок о Терпелове» написанных в юмористической манере о реальном человеке, до сих пор терроризирующем многих ярославцев, она ни на секунду не останавливаясь, пишет буквально на ходу, создавая порой настолько фантастические миры, что только диву даешься.

Евстафий Евдокимов, глава Александровской и Юрьевской церкви.

Под покрывалом белых облаков

1

Майский вечер весь пропитанный девическим смехом совершенно не радовал девушку восемнадцати лет по имени Кристина.

Старшая сестра выходила замуж и в доме царила предсвадебная суматоха.

– Кто же в мае женится, – ворчала бабушка, подшивая кружева к подолу свадебного платья, – всю жизнь маяться!

– Это предрассудки! – смеялась невеста, кружась по комнате в одной сорочке.

– Смотри, не улети, стрекоза! – погрозила пальцем бабушка.

– Я бы улетела, – с восторгом произнесла Надежда и протянула руки к окну, – если бы могла!

– Ты счастлива? – с грустью спросила сестру, Кристина.

– Еще как счастлива! – расхохоталась Надежда и, схватив младшую сестру, пустилась в пляс.

– Наплачешься! – пригрозила бабушка.

Но внучка лишь отмахнулась и запрыгала беззаботным кузнечиком по квартире.

– Чего не ложишься спать? – прикрикнула на старшую дочь, мать.

Мать торопилась привести в порядок отцовский костюм, накрахмаленная белоснежная рубашка уже висела на плечиках, в бельевом шкафу.

Отец сидел на диване в нижнем белье, в полной прострации.

– Отчего ты диван не разложишь? – сгоняя отца и легко превращая диван в двуспальную кровать, спросила Надежда.

Кристина достала из шкафа постельное белье, подушки, одеяло.

– Родители, вы с ума сошли, второй час ночи, а вы до сих пор не спите! – выговаривала Надежда, укладывая отца в постель. – Вам предстоит такой тяжкий день!

– Доченька! – неожиданно расплакался отец.

– Ну и раскис! – пробурчала бабушка, появляясь в дверях комнаты.

Невеста обняла отца.

– А меня? – ревниво потребовала мать.

– И меня! – заплакала Кристина.

– Прямо хороните! – покачала головой бабушка, пока без пяти минут молодая, обнимала отца с матерью и младшую сестру.

– В самом деле, прекратите реветь! – потребовала Надежда, размыкая объятия, и устремилась за бабушкой.

– С дочерьми всегда так, – утирая слезы, пожаловался отец, – вот и ты скоро улетишь из гнезда, бросишь нас с мамкой!

– Не улечу! – покачала головой Кристина. – Мой жених не существует!

– Как это? – не поняла мать, вытирая мокрые от слез глаза.

Кристина бросилась в детскую, которую делила с сестрой, здесь, в большой картонной папке у нее хранились карандашные наброски.

– Разве, он реален? – продемонстрировала она родителям десяток рисунков с изображением прекрасного, как бог, молодого мужчины.

– Почему бы и нет? – удивился отец. – Ведь откуда-то ты срисовала его?

– Нашли чему дивиться! – вмешалась бабушка. – Его многие люди в лицо знают!

– И ничего не многие, – обиделась Кристина, – он, наверняка, лишь мне снится!

Бабушка пренебрежительно фыркнула:

– И в кого ты такая глупая, не пойму!

Кристина, молча, прибрала рисунки в папку, момент откровения, навеянный общими слезами, прошел. Повеяло дыханием отчуждения, смиренно вздыхая, отправилась она в детскую, где, сидя на подоконнике еще долго глядела на мигающие звезды, слушая, как укладываются спать ее родные, сестра в детскую так и не заглянула, осталась ночевать в комнате у бабушки и Кристина затосковала, так тоскует ребенок-сирота в детском доме и не с чем сравнить то горе, то чувство одиночества, которое охватывает душу брошенного человечка, разве с состоянием безнадежно влюбленного человека!..

2

– Вот так, добавь сюда немного белого и будет подходящий оттенок, – говорил, стоя за ее спиной, мастер, Егор Павлович Грошев.

– Гляди, подруга, как он возле тебя вьется! – когда мастер отошел к другим студентам, заметила Ленка Кузнецова, считавшая себя подругой Кристины.

В ответ Кристина лишь пожала плечами, с недоумением провожая фигуру сорокачетырехлетнего препода.

– Он мне в отцы годится, – перенося на акварельный лист восхитительный вид на березовую рощу, напомнила она Ленке, – у меня мать того же года рождения, что и Егор Павлович, а отец на три года его старше.

– Ну и что? – выпятила нижнюю губу Ленка. – Вот если бы мне он оказывал такие знаки внимания, я бы своего не упустила!

Произнесла она со значением в голосе и, не скрывая зависти, поглядела на льняные волосы Кристины.

– Почему одним все, а мне ничего? – вздохнула Кузнецова и брезгливо провела рукой по собственным волосам настолько жидким, что сквозь пряди виднелась розоватая кожа головы.

Тут надо пояснить, в один день, не выдержав мук черной зависти, Кузнецова перекрасила свои темно-медные волосы на белые, чтобы хоть немного походить на подругу, но не рассчитала с шевелюрой. У Кристины волосы были густые, волнистые, свободно спускающиеся по плечам, а у Ленки – мышиный хвостик.

Новый цвет волос Кузнецовой, Кристина едва ли заметила.

В училище она приезжала одна, из другого района города и Ленке Кузнецовой приходилось томиться на крыльце, чтобы ее встретить.

– Будто на свидании, – говорила она с натянутой улыбкой.

– А ты не встречай, – равнодушно роняла Кристина и, повесив курточку на крючок в раздевалке, шла, не оглядываясь, в классы.

Сказать, что подобное отношение не бесило Кузнецову – ничего не сказать.

Втайне она мечтала, чтобы Кристина подвернула ногу или «залетела» от Грошева и бросилась ей на шею, со слезами и жалобами на судьбу.

Однако с Кристиной ничего такого не происходило и знаки внимания от препода, она явно игнорировала или попросту не замечала.

– Нет, ты только посмотри, он же тебя съесть готов! – старалась Кузнецова, когда они собрали этюдники и тронулись вслед за одноклассниками с холма, где проходил урок изобразительного мастерства.

Кристина посмотрела и вздрогнула, наткнувшись на страстный взгляд Егора Павловича.

– Не понимаю, чего ему от меня надо? – зябко поежилась она и прислушалась к робкой трели соловья доносившейся из буйно расцветшего ивняка, неподалеку.

– Осторожно, девоньки, не то клещи закусают! – заорал, указывая на ивовые кусты, Сережка Буренков, лапая всех подряд, постепенно перемещаясь под градом кулаков возмущенных девушек в самый хвост процессии.

Когда в его объятия попала Кузнецова, ситуация переменилась, Ленка не оказала Буренкову никакого сопротивления, только заискивающе захихикала, но поглядев на ее жидкие волосы, заметив пролысины и невольно мысленно сравнив ее кожу с кожей розового поросеночка, он сам оставил Ленку и резво переместился вперед. Скоро, оттуда послышался его преувеличенно веселый бас.

– Очень надо! – хмыкнула обиженная Кузнецова и потуже перетянула резинкой для волос свой мышиный хвостик.

– Кристиночка! – воспользовался паузой, Грошев и, приблизившись к студентке, глубоко вдохнул воздух. – Какой чудесный запах у твоих духов!

– А? – рассеянно глянула на него Кристина, вспоминая флакон духов с нежным ароматом сирени, подарок сестры, теперь уже не невесты, но жены.

И улыбнулась, вспоминая счастливые моменты свадьбы.

Грошев жадно следил за выражением лица девушки и вышагивал рядом, стараясь кончиками пальцев как бы невзначай дотронуться до пальчиков ее руки.

– Егор Павлович, – встряла тут Кузнецова, ревниво переводя взгляд с задумчивого лица подруги на лицо препода, моментально, при свидетеле, переменившееся.

– Ему бы в актеры пойти, – зло процедила ему вслед сквозь зубы, Ленка, – так играет в порядочного человека, куда деваться!

– Что?! – очнулась Кристина.

– Я говорю, возле тебя крутился, пытался тебя за руку взять, – злобно проговорила Кузнецова.

Кристина снова посмотрела на Грошева и он, почуяв ее внимание, оглянулся, одарил настолько горячим взглядом, что девушка задрожала.

– А что я тебе говорила! – торжествовала Кузнецова.

3

Кухня наполнилась табачным дымом. Курили двое: отец и зять.

Кристина следила в щелку закрытой двери. Зять, веснушчатый парень выглядел беззаботным юнцом по сравнению с сосредоточенным, мрачным отцом.

– М-да, ситуация, – тяжко вздохнул отец, – а это точно?

– Точнее не бывает, – кивнул зять.

– Ну, Алешка, ты даешь! – безо всякого восхищения, проговорил отец и крикнул. – Мать, жена, Надя с Кристей, подите сюда!

– Совещание! – коротко бросил отец.

– Ну и? – резко потребовала бабушка.

– У них будет тройня! – указал на зятя и Надежду, отец.

– Хорошо! – засмеялась мать и смолкла под мрачным взглядом мужа.

– Тройня! – повторил отец и поглядел, по очереди задерживаясь, в лица бабушки и матери.

– Как же так, Алексей? – строго сдвинув брови, насупилась бабушка. – Могли бы повременить с беременностью, куда теперь деваться? Честное слово, будто дети малые!

– Мы же квартиру снимаем, – осторожно напомнил бабушке, Алеша, – и сами за нее платим!

– Трое детей – не шутка! – забегала бабушка по кухне и остановилась перед притихшими родственниками. – Ну, вот что, Наде уход нужен, тройню выносить да еще на съемной квартире, невозможно!

– И что делать, мам? – робко спросил глава семейства.

– Переезжать! – быстро ответила бабушка. – Дачу можно под дом использовать, дрова придется подкупить, баня есть, опять-таки газовая плита с привозными газовыми баллонами.

– Надю на дачу? – заколебался Алеша. – Мы не поедем!

– Вы не поедете. Они поедут! – указала пальцем на отца, мать и Кристину, бабушка. – Не переломятся, мы с отцом всю жизнь так жили и вы поживете. После, как Надежда родит, как детки до трехлетнего возраста вырастут, можно будет молодым и о собственной квартире задуматься, поучаствовать в правительственных программах для таких семей, деньги за детей на ипотеку пустить, одним словом, посмотрим!

– Но, мама, – попыталась, было, возразить мать Кристины и Нади.

– Не мамкай, – резко оборвала ее бабушка, – я сказала!..

– Какой же он красивый, похож на ангела! – рассматривая рисунки сестры, говорила в тот же день, Надежда.

И посмотрела с тревогой:

– Ты меня прости, сестричка, так получилось нехорошо, что вы из-за нас переезжаете!

Кристина поспешно захлопнула крышку чемодана и подошла к письменному столу, собирая учебники.

– Если хочешь, мы поедем на дачу! – закричала Надежда, по-своему расценивая молчание сестры.

– Успокойся, – всхлипнула Кристина, – просто такие перемены и так быстро происходят! У тебя будет трое детей, и я должна покинуть свой уютный уголок в детской.

– Прости! – заплакала Надежда, обнимая сестру.

Она закрыла лицо дрожащими руками.

– Я сама боюсь перемен. И эти дети еще, и Алешка – сам, будто ребенок!

– Не волнуйся, у тебя есть бабушка! – грустно улыбнулась Настя. – И мы!

– Какое счастье! – проговорила сквозь слезы, Надежда. – У Алешки не такая семья, чужая! Отец с матерью в особняке живут, на окраине Москвы, сестра в огромной квартире с видом на Кремль. Есть дом в Подмосковье и квартира в Звенигороде, но нам они ничего не уступают, а сдают в аренду, за большие деньги. Представляешь?

Заглянула она в глаза сестры.

Кристина не нашлась, что сказать, мелькнуло только воспоминание о горящем взоре Грошева.

Захотелось отряхнуться, Кристина поспешила в ванну, поскорее умыться и смыть с прохладной водой ощущение омерзения, столь плотно захватившего душу, что девушку затошнило.

4

Из предложенного в столовой меню, Кристина одновременно с эффектным блондином лет тридцати, выбрала: куриный суп, пюре с биточками и компот из сухофруктов. Хотя выбор был намного больше и мужчины предпочитали борщ или жирные щи, а из вторых блюд просили у раздатчиков пюре с бифштексами или жареные окорочка.

Кристина покосилась на него, когда блондин, будто ее собственная тень, положил на поднос ватрушку с творогом, и отправился на кассу.

Ничего не замечая, он уселся в обеденном зале за стол, прямо напротив ее столика и, покопавшись в плоском кожаном портфеле, достал книгу «Суть мироздания».

Кристина ахнула, потому что точно такая же книга, лежала в ее портфеле и, когда он от ее вскрика поднял глаза, продемонстрировала ему книгу.

Он улыбнулся понимающе, назвал номер страницы, на которой лежала изящная закладка. Девушка в ответ назвала номер своей страницы и помахала в воздухе изящной закладкой. Излишне говорить, что и страницы совпадали.

Блондин пересел за столик Кристины, не заметив как, они проболтали два часа. Кристина упивалась его захватывающими историями о поездках в другие страны, блондин оказался заядлым путешественником, а он выслушал ее исповедь о беременности сестры и вынужденном переезде в дом.

– Да, – произнес блондин, когда Кристина пожаловалась на Грошева, – это распространенное явление, старый развратник и молодая невинная девушка.

– Мне необходимо доучиться, – жалобно произнесла Кристина, – но теперь из-за удаленности дома от художественного училища, приходится вставать, ни свет, ни заря, чтобы поспеть на рейсовый автобус.

– А ты подумай о тех, кому еще хуже, чем тебе, – посоветовал он и улыбнулся, – к примеру, о жителях Подмосковья вынужденных каждый день трястись в электричках по два часа на работу, а после еще по часу в метро, чтобы добраться до своих рабочих мест, в столице.

– Вот где, непруха, – согласилась Кристина и взглянула в синие, почти ультрамариновые глаза блондина.

Он показался ей удивительно родным, человеком, с которым без обиняков можно было быть откровенной.

Но тут, взглянув в окно, он засуетился и коротко раскланявшись, распрощался с ней.

Девушка подскочила, ни имени чудесного знакомца, ни номера телефона она у него не спросила. Однако на душе пели птички, и только одно воспоминание внезапно подпортило ей настроение.

Она вздрогнула от отвращения, когда Грошев подстерег ее, однажды, одну, возле дома. Запах пива смешанный с запахом пота вызвал у Кристины такую антипатию, что ее вырвало ему под ноги. Грошев отступил, с изумлением глядя на девушку, а Кристина бежала, и только оказавшись вдали от препода, ужаснулась. Что теперь будет? Но Грошев ни словом, ни делом не упоминая о случившемся, ходил, после, между учениками, склонившимися к мольбертам и лишь раз застрял возле девушки, обдав ее запахом мускуса, спросил вкрадчивым голосом, как она себя чувствует, на что она не смогла ответить, а зажав рот рукой, поспешно бежала в туалет, в панике обдумывая, что ей теперь придется учиться не дышать в обществе похотливого препода.

Однако, вернувшись мысленно в обеденный зал обширной городской столовой, Кристина подивилась той тоске, что нахлынула на нее с невероятной силой. Блондин с его красивым мелодичным голосом пронизанным нотками грусти, с его все понимающим, мудрым взглядом, ярким лучом света пронзил ее душу и засиял теплым солнечным лучиком в груди.

5

Егор Павлович Грошев не всегда преподавал мастерство в художественном училище. Его биография была полна событий.

Болтать ни о чем у Егора Павловича получалось лучше всего. Но мало того, почти каждую фразу он заканчивал словами:

– Ты меня понимаешь!

Делая упор не на вопросительный знак в конце предложения, а как раз, наоборот, на восклицательный.

И, если слышал в ответ, что, нет, не понимаю, шумно вздыхал, возмущенно сопел и вел себя в целом, как сильно обиженный ребенок.

Работал Егор Павлович тогда в сфере дополнительного образования, вел кружок и, забегая в центр внешкольной работы, а по-народному, дворец пионеров, всегда приставал к вахтершам с вопросами:

– Для меня что-нибудь есть?

И видя неизменное отрицание, поджимал губы:

– Как так ничего нет, а вы посмотрите хорошенечко, может и есть, в корреспонденции?

В связи с этим, редко кто из вахтерш любил Грошева. Некоторые, чтобы отвязался, совали ему в руки бесплатные газеты, так называемые, одноразовые. Схватив дешевку, Егор Павлович отправлялся наверх, по ступеням, на второй этаж, в свой кабинет, где усаживаясь за стол и водрузив на нос очки, прочитывал с большим вниманием от корки до корки все рекламные объявления, короткие заметки, призванные продать тот или иной товар.

Ничего не запомнив из прочитанного, Грошев окинув кабинет бездумным взглядом неизменно натыкался на свое отражение, зеркало висело прямо напротив его стола, поморщившись, отводил взгляд.

Он не любил своего отражения, считал себя не красивым, но при этом не переносил критики по поводу своей внешности со стороны других людей, а надувался, краснел и, обижаясь, громко хмыкал.

Вообще, он не был вежливым человеком, напротив, ругаясь матом при детях, что приходили к нему на занятия, оправдывал себя тем, что, дескать, и дети сейчас все сплошь матерщинники. Конечно, возмущенные родители писали жалобы в народное образование и министерство культуры, но Грошев всегда уходил от возмездия. В этом ему помогала директриса центра.

Частенько, под новогодние праздники, объединив свои усилия, они зарабатывали неплохие деньги и тогда, каждый год повторялась одна и та же сцена.

– А я не смахиваю на Санта-Клауса? – спрашивал Грошев, с сомнением, медленно кружась перед зеркалом.

– Санта-Клауса? – рассеянно переспрашивала директриса, наряжаясь в наряд снегурочки и водрузив на голову голубенькую шапочку, подвигала Грошева, чтобы в свою очередь, делая перед зеркалом пируэты и глядя на свое морщинистое лицо, с сомнением произнести. – Снегурка-перестарок!

– Не беспокойтесь, я загримирую! – уверенно кивал Грошев и с энтузиазмом брался за дело.

Но сколько он, ни старался, сколько, ни наводил лоск на бледные дряблые щеки директрисы, все едино, возраст, по крайней мере, бабушки снегурочки выдавал, так сказать, с головой.

– Чертова тварь! – ругалась директриса на свое отражение.

– Не молоды мы, однако! – с деланной веселостью соглашался Егор Павлович.

– Вам-то что, – огрызалась директриса, – вы еще вполне молодой и интересный мужчина!

И ругаясь, на чем свет стоит, она шла с Грошевым на выход, где залезала за руль своей «Сузуки», чтобы покатить по частным адресам, поздравлять детишек и зарабатывать.

Играть деда Мороза Грошеву казалось не трудным, не обременительным делом. Когда-то на заре своей юности, он устроился в драматический театр монтировщиком сцены, а после стал набиваться на эпизодические роли, случайные и безмолвные. Словно в немом кино, выходил он, следуя разученной мизансцене, и подносил актерам поднос с бутафорскими бокалами. Старательно изображал дворецких и так наловчился, что режиссер уже подумывал ввести его в актерский состав, но тут знакомый клоун, частенько захаживающий в драматический театр на прогоны спектаклей, обронил фразу, отчего-то запавшую в душу Грошева и прожегшую там большущую дыру. Клоун сказал, что фокусник ищет ассистента. Цирк, вот о чем всю жизнь мечтал Грошев. Маленьким он очень любил бывать на цирковых представлениях. Недолго думая, помчался и был принят. Но жизнь в постоянных разъездах, с холодными гостиницами, изматывающими репетициями охладила пыл вчерашнего актера немого театра.

В драматическом Грошева встретили равнодушно, ушел и ушел, а возвращению твоему, брат, никто не рад! Предатель, шипели у него за спиной вчерашние коллеги и друзья.

Грошев подался на улицу, пыльный этюдник, карандаш и листы ватмана, вот что теперь составляло, в целом, его жизнь. Он рисовал юношей и девушек, мужчин и женщин, стариков и старушек. Ему платили, недовольных не было, но он сам был недоволен. Он не любил улицу, не желал мерзнуть, не желал зарабатывать на хлеб в поте лица своего и тут нашелся один товарищ, из актеров драматического, пожалел беднягу, шепнул, иди, мол, устраивайся преподавателем театрального кружка. Он пошел и был принят.

К нему приходили всякие дети, но чаще горделивые, чванливые. Таких Грошев сразу же «ломал», пройдя через горнило грошевских приемчиков по обкату «звездной» болезни, дети эти непременно уходили, а Егор Павлович потирал руки и радовался, что сломал очередную «звездушку».

– А ты поработай, ты узнай, сколь горек актерский хлеб, – говаривал он.

Не нравились ему и заморыши, этакие робкие души, боящиеся сцены.

Грошев кричал тогда, сидя в зрительном зале:

– И зачем позволь спросить, ты пришел? Зачем пришел, я спрашиваю, если сцены боишься?

Робкий заморыш заливался слезами и убегал, прикрывая лицо ладошками, а Грошев радовался:

– Туда тебе и дорога!

Непонятное управление театральным кружком приводило к тому, что к маю, у него оставалось один-два человека, и не с кем было играть заключительный спектакль.

С уходом на пенсию директрисы, закончилась и карьера Грошева, в качестве преподавателя театрального кружка он выказал полную бездарность.

Недолго промаявшись без работы, Егор Павлович устроился мастером в художественное училище, которое когда-то заканчивал сам. И был потрясен, когда одна студентка, девушка восемнадцати лет, Кристина взглянула на него. По сути, он влюбился с первого взгляда, и одержимость этой девушкой приковала его цепями и к училищу, и к преподаванию, и к нормальному общению со студентами, потому как материться в обществе ангела он не имел никаких сил…

6

Натягивая новое платье цвета яркой зелени, Кристина раздумывала о встрече в столовой. Вот бы существовала машина времени, дающая возможность вернуться и спросить у него имя, хотя бы имя. Кристина взглянула на включенный компьютер и вздохнула, кого искать в социальных сетях, красивого блондина с чарующе-прекрасным голосом? Она хихикнула, представив, как задает подобный вопрос в Google, интересно посмотреть ответ и Кристина бросилась к компьютеру. Ну, конечно же, как и следовало ожидать, поисковик выдал несколько фамилий прославленных певцов!

И тут ни к селу, ни к городу вспомнился ей Грошев Егор Павлович, к горлу подкатила тошнота.

– Нет, добром это явно не закончится, – испытывая сильное чувство ненависти, проговорила вслух, Кристина.

– Невозможно себе представить, – продолжала она в полной тишине дома, родители уже успели уехать на работу, – какого черта ему от меня надо? Неужели он всерьез считает мое поколение развратным и испорченным! Нет, развратен и испорчен он сам, а ну-ка, посмотрим, что есть на него в интернете?

И она набрала фамилию, имя, отчество препода.

– Да, он повредился в уме! – воскликнула после прочтения нескольких фраз, которые выдала всемирная паутина, Кристина.

Она скопировала несколько текстов уличающих Грошева в некомпетентности.

– Какой-то уличный художник и актеришка эпизодических ролей ведет целый курс талантливых студентов-художников, – пробормотала Кристина и погрозила кулаком в окно.

– Ну, я тебе покажу!

В тот же день она обратилась к директору училища. Выслушав ее, директор, седой интеллигентный дядька, вздохнул, провел ладонью по глазам, горько усмехнулся:

– Знаю я все это, детонька. Но кто же, позвольте вас спросить, пойдет на нищенскую ставку мастера?

– Неужели, некому? – угрюмо поинтересовалась Кристина и выдвинула последний аргумент. – Ваш Грошев – педофил!

Директор опешил.

– Да, да, – настаивала Кристина, резко вскочив на ноги, стул, на котором она сидела, полетел в сторону, – и если он не отстанет от меня, клянусь Дьяволом, я его зарежу!

И выскочила прочь, громко хлопнув дверью.

В тот же день Грошева вызвали к директору, прямо с занятий. Кристина торжествовала. Ленка Кузнецова недоумевала.

Вернувшись в класс, Егор Павлович одарил Кристину таким взглядом, что и без слов стало ясно: «Пропесочили!»

После урока, когда студенты вышли из класса, он задержал девушку.

– Как ты могла? – Грошев изобразил на лице страдание.

– А еще я могу в ухо двинуть! – пообещала Кристина и, дразнясь, высунула язык.

Он раскрыл рот от удивления, она же скорчила гримасу, скосив глаза к переносице и в целом, изображая слабоумную дурочку, потрясла головой:

– Э-э-э!

– Да как ты смеешь надо мной издеваться, я намного старше тебя! – прокричал он шепотом, оглядывая пустую аудиторию и придерживая дверь, в испуге за свою репутацию.

– Жил да был старый козел, бэ! – неожиданно громко спела Кристина и Грошев бежал, с ужасом оглядываясь на хохочущую девушку.

Ах, как он не любил скандалов, как не желал выяснения отношений. Закатить такую сцену! Грошев остановился, завернув в пустой класс, тяжело дыша, прислонился к стене, но уже в следующую минуту взял себя в руки и вышел в коридор, ловко лавируя в толпе студентов, Грошев был уверен, что Кристина всего-навсего приревновала и, вспомнив знаки внимания со стороны женского персонала преподавателей, расплылся в самодовольной ухмылке.

А Кристина в это время, уже позабыв о противном сластолюбце шла, пружиня шаг, к городской столовой, искренне надеясь встретить чудесного блондина, имеющего те же вкусы, отдающего предпочтение тем же книгам, что и она сама. Да, кто из нас по большому счету не мечтает обо все понимающем любимом или любимой?! Правильно, все заняты поисками второго себя, своей половинки.

Впрочем, так далеко, мысли Кристины не заходили, в душе ее пели соловьи, на сердце было легко и тепло. И только один человек с подозрением смотрел ей в спину – Ленка Кузнецова.

7

Некоторые люди, иногда задаются вопросами, откуда берутся завистливые души? Что, может, они такими появляются на свет божий?!

Первый укол зависти Ленка Кузнецова испытала в детских яслях. Она хорошо помнила этот момент. Новенькая девочка, нетвердо держась на ногах, пришла в группу с очаровательной куклой.

– Ляля! – пролепетала новенькая, когда девочки обступили ее, рассматривая наряженную в блестящее платьице, куколку.

Во время тихого часа, Ленка вытащила ляльку из рук спящей хозяйки и тихонько одевшись, прошла сквозь стеклянные двери спальни, настороженно наблюдая за весело сплетничающими в группе, воспитательницей и нянечкой.

Жила Ленка неподалеку от яслей, и спокойно преодолев чужой двор, пустынный из-за рабочего времени суток, пришла в свой, вошла в открытый подъезд, взяла в укромном уголке, за плинтусом, ключ от входной двери, открыла и спрятала куклу посреди других кукол. Тем же путем, вернувшись обратно в спальню яслей, Ленка уже залезала под одеяло, когда услышала шепот с соседней кровати:

– Куда ходила?

Смотрел на нее мальчик, Вовка Сережкин, которого часто, более старшие ребята, обзывали: «Сережкой Вовкиным!»

– На горшок ходила! – огрызнулась Ленка. – Живот болит!

– А, – понимающе кивнул Вовка, – смотри, как бы воспиталка тебя к медичке не отвела.

– И что?

– А то! Укол сделает! Больно! – проныл Вовка.

Воспользовавшись наивностью Сережкина, Ленка уговорила его никому не говорить о своей кратковременной отлучке.

И Вовка не выдал. Он только глупо таращился, когда воспитательница с няней переворачивали постели, рылись в игрушках и шмонали шкафчики. А новенькая девочка безутешно рыдала по своей ляльке…

Родители у Ленки Кузнецовой жили отдельной жизнью. Мать день-деньской пропадала на сверхурочных, зарабатывая в дом копейку, а отец, отработав смену и прихватив из холодильника несколько бутылок пива, шел во двор играть с мужиками в домино. При этом он не забывал окатить дочь презрительным взглядом и заявить, вот, если бы она была мальчиком, тогда бы пошла с ним, а так, пускай играет в свои куклы. В ясли, нередко, Ленка уходила сама. Бывало, и саму себя забирала.

– И, что у тебя за родители? – возмущалась воспитательница.

Родители всю ответственность за воспитание дочери переложили на бабушку. Но бабушка сильно болела и попросту не могла встать с постели.

Ленка ухаживала за ней и даже ходила в соседнюю аптеку с запиской. Купив лекарств, она на сдачу приобретала мороженое или конфеты, завернув по дороге в продуктовый магазин.

Соседи ее жалели:

– Такая маленькая, – говорили они с улыбкой умиления, – а уже сама и в аптеку, и в магазин ходит!

– И в ясли сама! – важно говорила Ленка и получала от доброхотов в придачу к купленному, конфетку чупа-чупс.

В школу Ленка Кузнецова тоже пошла сама, родители были на работе, спасибо, хоть портфель с тетрадками купили, а бабушка лежала, закатив глаза, и охала о близкой кончине.

Училась Ленка хорошо, в этом ей помогал Вовка Сережкин, оказавшийся не только башковитым, но и талантливым художником. Сообразив, Ленка подружилась с ним и ревниво била в нос всякую девчонку, решившуюся просто заговорить с ее избранником.

Она практически поселилась в уютной квартирке Сережкиных и быстро переняла все азы художественного рисования от родителей Вовки, и папа, и мама у него были профессиональными художниками.

И, кто знает, куда бы завела эта дружба, но Сережкины в одночасье собрав чемоданы укатили, легко бросив нажитое, эмигрировали в Америку, откуда все реже и реже Вовка присылал ей открытки и письма.

Случилось это после окончания девяти классов средней школы и, рыдая, дико завидуя, Ленка Кузнецова подала документы в художественное училище.

Творческий отбор она прошла, все-таки Сережкины учили ее рисовать на протяжении целых девяти лет!

– Что ты ревишь? – охая с кровати, спрашивала бабушка.

– Ничего! – вытирая злые слезы, отвечала Ленка.

– Вот, если бы ты была мальчиком, я бы взял тебя с собой «козла» забивать! – сообщал отец и выразительно поднимал кверху бутылки пива.

Мать ничего не говорила, она как всегда отсутствовала.

Иногда Ленка удивлялась, не в состоянии вспомнить, какого цвета глаза у матери, да что там, забывала лицо своей непосредственной родительницы!

В училище Ленка выбрала себе в подруги Кристину, мечтательную и непонятную девушку с льняными волосами. Но, похоже, Кристина вовсе не была согласна с таким выбором, и вежливо протерпев присутствие Ленки на протяжении всех уроков, уходила, едва кивнув ей на прощание.

Таким образом, не проходило ни одного вечера и ни одной ночи без слез и, переворачивая намокшую подушку, Ленка Кузнецова чувствовала себя никому не нужной пустышкой:

«Сдохну, никто и внимания не обратит!» – думала она с горечью.

Накрывая голову подушкой, чтобы не слышать раскатистого храпа бабушки, с которой она вынуждена была делить комнату, проваливалась в сон, где сумеречные тени протягивали к ней корявые лапы, где разные чудовища жестоко надсмехались над ее поганой жизнью…

8

Свое девятнадцатилетие Кристина собиралась отпраздновать в тесном кругу домашних. Было решено собраться в квартире, так как Надежде приходилось туго. Токсикоз замучил бедняжку.

Но – это к вечеру, а вот утром Кристина, накупив шоколадных конфет, по школьной привычке принялась угощать одноклассников.

В группе было тридцать человек, кулька с двумя килограммами, вполне хватило на всех.

Кристина не позабыла и препода, все-таки она была девушкой доброй.

Грошев подскочил, когда узнал, по какому случаю угощение и, предложив студентам нарисовать натюрморт с ловко устроенной посреди волнообразной красной ткани вазы с бутафорскими яблоками, умчался за подарками.

После занятий, он, внутренне замирая, предложил Кристине задержаться.

Ленка Кузнецова тоже демонстративно осталась и Кристина, благодарно взглянув на нее, перевела взгляд на препода.

– Ты наверняка ужасного мнения обо мне, – сказал Грошев, нисколько не смущаясь вниманием Кузнецовой, – как это возможно – не поздравить красивую девушку с днем рождения! Мне остается лишь просить прощения!

И он протянул ей подарочную сумку. Кристина взяла, заглянула, с изумлением узрела шероховатый бок кокоса и миску для микроволновки.

– Что это? – спросила она, отступая.

– Подарок! – искренне улыбаясь, ответил Грошев и смешался, увидев на ее лице удивление.

– Подарок? – переспросила Кристина и, не выдержав, громко расхохоталась. – А я думала, издевательство!

– Я еще открытку приготовил! – задергался Грошев, руки его дрожали.

– Открытку? – хохотала Кристина и, сунув подарочную сумку ему обратно в руки, убежала, чтобы вволю насмеяться вдали от престарелого ухажера.

– Либо он впал в маразм, либо попросту – порядочный скряга! – сказала она Ленке Кузнецовой.

– Действительно, – пробормотала Ленка, пребывая в двойственном состоянии духа, недоумевая и одновременно радуясь, что не только ей может быть плохо, родители никогда не поздравляли ее с днем рождения, разве оставляли торт в холодильнике.

– А поехали сегодня ко мне, в гости? – неожиданно предложила Кристина.

Кузнецова вспыхнула:

– Поехали! – выпалила она, вне себя от счастья.

Родители подарили Кристине дорогой подарок. Девушки принялись вместе рассматривать роскошное ожерелье из серебряной цепочки и продолговатого серебряного листочка. Ленка взяла ожерелье, бережно надела на шею подруге и застегнула сзади на маленький крючок с петелькой.

– Мне такое никогда родители не подарят, – со вздохом произнесла она, с грустью наблюдая за тем, как солнечный свет отражается в серебряном изделии.

– Зато и кокос с миской ты точно на день рождения не получишь! – засмеялась Кристина.

Ленка не удержавшись, громко фыркнула:

– Надо было метнуть ему эти подарки в лицо!

– Это кто же тебе кокос подарил? – удивился отец Кристины.

– И миску! – добавила Ленка, хохоча.

– Да есть один деятель, – небрежно бросила Кристина.

– Ну и подарочек! – высказалась Надежда.

– К чертовой матери такого кавалера! – возмутилась бабушка. – Я понимаю еще, цветы и коробку конфет!

– Нет, бабушка, кокос и только кокос! – смеялась Кристина.

– И миску для микроволновки! – добавила Ленка, заваливаясь за спину подруги, на диван.

– Не пойму, что это за миска такая? – недоумевала бабушка. – У нас и микроволновки-то, отродясь, не бывало!

Девушки уже не могли смеяться:

– Ой, спасите! – вопила Ленка.

– Сейчас лопну от перенапряжения! – вторила Кристина.

Домашние с недоумением глядели на развеселившихся девушек, эх, если бы они знали правду. Впрочем, Кристина не собиралась посвящать родных в «ужасы» странностей отношения к ней Грошева, а Ленка, благодарная за приглашение, за семейный уют и угощение, вовсе не задумывалась о перспективе упоминания вслух имени развратного преподавателя.

9

Кристину всегда поражали обои, наклеенные на стены и потолок комнат дома-дачи, где она обосновалась с родителями. В старинном буфете стояли изящные чайные сервизы. Двери были обиты ватой с дерматином. Посреди гостиной стоял круглый деревянный стол. У одной из стен притулилась мягкая софа с торшером.

Обстановка дома выглядела даже роскошной за счет шерстяных ковров и паласов, устилающих пол. На полках, рядом с книгами, мягкими игрушками, фотографиями стояли фарфоровые статуэтки – увлечения молодости бабушки.

– Надо бы кота завести, – предложил отец, – не то мыши одолеют.

– Гадость какая, мыши! – воскликнула мать. – Кристя, иди, поспрашивай у соседей, может, у кого есть котята?

В первом же доме ее встретил радушный сосед, старичок в телогрейке и валенках.

– Котята? – задумался он и рассмеялся. – Давненько у меня никто не спрашивал про котят!

И обернулся к вышедшей на шум белоснежной пушистой кошке, с большим вниманием изучавшей гостью.

– Маркиза, котят спрашивают, а ты филонишь!

Маркиза уселась на пол и оскорблено посмотрела в глаза Кристины.

– Старая она, вот и обижается, – пояснил старичок, – да, ты проходи в избу!

Пригласил он соседку и из сеней провел девушку в притвор единственной, но просторной комнаты.

Кристина огляделась. Справа, весело трещала дровами белая русская печь. Слева, на небольшом кухонном пространстве, огороженном цветастой занавеской, деловито гудел маленький холодильник, стояли обитые клетчатой клеенкой столы, на полках виднелись плетеные туески с крупами.

– Вот сейчас, «чайковского» попьем и пойдем котеночка искать, знаю я, у кого спросить! – подмигнул старичок Кристине и предложил ей переобуться.

– Тепло и уютно! – снимая белые катанки с печки, сказал старичок с улыбкой.

Кристина не возражала, ей казалось, она попала в детство, когда ездила с матерью в северный лесной поселок, со всех сторон окруженный дремучей тайгой, к дедушке, в гости.

Ах, какое это было время! Когда она махала рукой машинистам тепловозов и те всегда махали ей в ответ, а еще нажимали на гудок и тепловоз приветствовал ее басовито, а она прыгала от счастья, потому что целый локомотив с машинистами и вовсе не игрушечный, приветствовал одну ее, вот это, да!

Впрочем, и отличия от увиденного в раннем детстве дома родного дедушки было мало. Также старичок хлебным ножиком щипал лучину для угольного самовара и точно также как в детстве, в доме родного дедушки, в углу, Кристина обнаружила самые разные газеты, журналы, книги, в книжном шкафу – от детских «Мурзилок», «Пионерской правды» и «Вокруг света» до полного собрания сочинений Владимира Ленина. Некоторые книги непонятно как оказались в шкафу – брошюры для вязания, советы для начинающих кулинаров, книжонки с бесполезными нравоучениями на богословскую тему.

Кристина перевела взгляд на тумбочку, рядом со шкафом, с аккуратными стопками акварельных альбомов и сердце ее согрелось воспоминанием о счастливых днях летних каникул, когда она, предоставленная самой себе, рисовала все, что попадалось на глаза.

Машинально, перелистнула один альбом и замерла, дыхание захватило, повсюду был изображен ее блондин. Схватила другой альбом, посреди фантастических миров с неверо-

ятно-красивыми цветами был он, то остановившийся в раздумье над цветком, то шагающий в развевающихся ослепительных одеждах по белым облакам.

– Дедушка! – задыхаясь от волнения, обернулась Кристина. – Кто это нарисовал?

– Ась? – оторвался от самовара, старичок. – Глуховат я на одно ухо!

И подошел, взглянул:

– Рисовал-то? – пожевал губами.

Кристина не сводила с него глаз.

– Дочь моя рисовала! Ангел это! – кивнул старичок и вернулся к прерванному, было, занятию.

Но чувствуя вопросительный взгляд девушки, продолжил рассказывать:

– Дочка у меня родилась болезненная, хворая. Училась дома, на печке лежала.

Указал он на полати, что виднелись на печи. Полати были покрыты лохматыми полушубками.

– Теперь я там отдыхаю! – охотно пояснил он. – Дочка рисовать очень любила. Лет в девять стала она альбомы зарисовывать вот этим красавцем.

Кивнул он на раскрытый альбом в руках Кристины, откуда на них печально смотрел блондин.

– Моя жена, царствие ей небесное, – перекрестился старичок, – спросила у дочки, кого ты рисуешь? Дочка и ответила, ангел это, скоро придет за мной, произошла, мол, ошибка и по ошибке, дескать, меня в людской мир и затулили. Сказала, происходит такое, от невнимания к проблемам человечества со стороны ангелов. Нам было непонятно, о чем это она?

Рассказывая, старичок, между делом, накрывал на стол, который, стоял посреди комнаты. Из печки он достал противень с горячими, только что испеченными пирогами и сообщил Кристине:

– С творогом!

Ловко переложил пироги в плетеное блюдо. Сходил на кухню, добыл из столов обитых клеенкой, где были устроены на старинный манер ящики под столешницами, красивые чашки с блюдцами, сполоснул под рукомойником.

– Пригласили мы с женой бабку. Не знахарку, нет, а колдушку. Бабка пришла, взглянула на дочку, да так и села. Не жилица она, говорит, и печать на ней! Что за печать, спрашиваем? Она на нас руками замахала, и не спрашивайте! Только, говорит, плохо бывает тем семьям, где рождаются подобные дети и детям плохо от того, что они жить никак не могут. Многие мир ненавидят и от ненависти начинают чудить.

– Чудить? – переспросила, усаживаясь за стол, Кристина.

– А то, как же! – закивал старичок. – Сила у них великая появляется, мысли других людей читают, как свои собственные. Погодой управляют и забавы ради, устраивают ураганы. Опять-таки людьми, как игрушками распоряжаются, идет, к примеру, человек в магазин, а чудик надавит, внушит что-нибудь каверзное и человек вместо магазина, в поле уйдет.

Наша дочка чудила, ей хорошо было видно работяг, что на ближайший завод направлялись, так, бывало, доходили они до угла дома и останавливались, бессмысленно таращились в небо. Пять минут стояли, десять минут. Жена моя в слезы, дочке говорит, нехорошо это, на смену работяги опоздают, зарплаты лишат или премии, а то и вовсе выгонят, у них же у всех семьи. Отпусти! И дочка отпускала, до того дико, наверное, охране завода было, когда сто, а то и двести человек, разом, вдруг вваливались на проходную! А дочка ничего, беззлобная она была, только скучала очень. Радио не слушала, а когда я ей телевизор приволок, черно-белый купил, отвернулась, чего говорит, там интересного, я итак все знаю!

Старичок указал на пироги:

– Понравились?

Кристина опомнилась, не заметила, как съела два пирога:

– Вкусно! – засмущалась она.

– Кушай, кушай! Я гостям завсегда радуюсь, что тут в околотке людей-то осталось, одни дачники!

И вздохнув, не спеша продолжил, расставив пальцы и водрузив на пальцы блюдечко с чаем.

– Перед смертью, дочка моя все на ваш дом смотрела и говорила, мол, пройдет время и появится в доме девушка по имени Кристина. Так тебя зовут?

Заглянул ей в глаза старичок. Девушка задрожала.

– Стало быть, так, – задумался он, – хорошо!

И помолчав, вздохнул:

– Дочка говорила, чтобы ты не боялась и не искала ангела, он сам тебя найдет, подойдет, дескать, в общественном месте, поговорит с тобой, как обычный человек, а сам постарается силу твою заблокировать, чтобы не чудила ты! Ведь ты не чудишь?

Спросил он у девушки. Кристина помотала головой.

– Вот и славненько! – засмеялся старичок. – Теперь мы с тобой за котенком пойдем! У дочки моей Маркизы родились белые котятки, тут, неподалеку!

Маркиза давно уже улегшаяся на мягком диванчике возле теплого бока печки, подняла голову.

– Все понимает! – усмехнулся старичок.

10

В воздухе плавали золотистые от солнечных лучей, пылинки.

Бабушка, а на самом деле Ирина Петровна, семидесяти двух лет от роду, хмыкнула на недовольство своего внучатого зятя.

– Машина не заводится? – сварливо осведомилась она и выдала фразу, поразившую молодого человека в самое сердце. – Вы, тупые земляне, давным-давно деградировали. Создаете автомобили, которые работают на бензине. Изобретаете атомную бомбу, призванную уничтожить все человечество и не в состоянии элементарно вырастить ногу для обезноженного инвалида; не можете вырастить искусственный мозг и сотворить из дебила разумного человека; стареете и умираете, когда можно было бы просто жить и вести активный образ жизни, вообще не старея, ведь всем известно, старость – это болезнь, а болезнь можно вылечить! Каменный век!

– Бабушка, – прервала ее гневный монолог, Надежда, – не пугай моего мужа!

И повернулась к Алексею:

– Не бойся, бабушка у нас с другой планеты!

– Развитой планеты, заметьте! – сердито добавила Ирина Петровна. – Где не было основания падать, ломая кости, потому что устройства, подхватывающие тела были повсюду!

И она указала в окно, на лихих паркуристов, будто цирковых акробатах, крутивших сальто-мортале, прямо во дворе. На их акробатические номера безо всякого восторга смотрела детвора.

– Видите, как реагируют дошколята? – кивнула на них, Ирина Петровна. – Эти уже знают об отсутствии на Земле нормальной жизни. Вам необходимо понимать, как родителям будущих трех детей, о подобных явлениях.

– Зачем? – все еще не пришел в себя Алексей.

– А затем молодой человек, что пришельцы, появившиеся в нашей семье, имеют право на сочувствие и помощь! – Ирина Петровна гневно притопнула. – Они не должны мучиться от бездарного преподавания в школах, обучение должно быть мгновенным! Еще в раннем детстве! Человек должен получить всю информацию об истории и развитии своего мира и после, вступая в определенную фазу развития, полностью осознавать то или иное событие, факты и детали.

– Программирование мозга? – догадался Алексей.

– Именно! – кивнула Ирина Петровна.

– Но, где гарантия, что у нас родятся именно такие дети? – спросил Алексей.

– Землян все меньше, – поджала губы Ирина Петровна, – видимо, Сатана решил при нашей помощи сохранить эту цивилизацию и дать ей толчок к совершенно противоположному развитию!

– Это, какому же? – скептически осведомился Алексей.

– Нормальному! – отрезала Ирина Петровна.

– Бабушка! – взмолилась Надежда, прижимая руки к большому животу.

– Когда ни письменность, ни изучение точных наук не нужны! Просто лишни! Когда деньги воспринимаются конфетными фантиками, а бездомные и голодные люди дикостью! Когда ничего не покупается и не продается, и нет отравленных продуктов, нет ГМО и прочей химической чепухи! Когда любая болезнь вылечивается моментально, а любой больной орган заменяется на искусственный, но здоровый! Когда невозможен внезапный ливень или ураган, просто, потому что климат планеты управляем! Когда вместо долгих перелетов на ненадежных тяжелых самолетах, человек просто телепортируется из одной точки планеты в другую и делает это в несколько секунд!

– Шикарно! – одобрил Алексей. – Я бы и сам с удовольствием пожил в таком мире! Но вот вопрос, почему же вы, здесь?

Ирина Петровна вздохнула:

– Мы забыли о боге, а он жесток. Идет война и не только на Земле, знаете ли, но на Земле, правда, война между ангелами приобрела поистине грандиозные масштабы! Нигде во Вселенной такого нет! Нигде не строят молельни Богу для того, чтобы перекрыть порталы сообщения между миром людей и миром ангелов Сатаны. Это же, по сути, подстава для всех людей, пришедших в такую молельню!

Ирина Петровна залилась слезами:

– Жрецы превратили Землю в место битвы ангелов и люди, под гнетом ангелочков долбанных деградируют, не развиваются, а болеют и умирают!

– Но что-то, здесь есть! – возразил Алексей. – Ради чего стоит жить!

И посмотрел с нежностью на Надежду.

– Любовь! – согласилась Ирина Петровна. – И надежда!

Взглянула она на внучку и, обняв Надю, произнесла со слезами на глазах:

– Будем надеяться пережить эту геенну и вернуться домой!

В двери позвонили.

– Это, вероятно, Кристина! – произнесла Надежда и, вырвавшись из объятий бабушки, опрометью бросилась открывать.

11

– Я горжусь своими шершавыми руками! – заявил Алексей, взглянул на Кристину с вызовом. – Они выдают мою рабочую профессию.

– Шофера? – спросила Кристина, без тени осуждения.

Однако Алексей задрал нос:

– Да, я простой человек и мой отец, и мой дед трудились простыми работягами.

– Но, – попыталась оправдаться Кристина.

Впрочем, он сам понял:

– Все это чушь! В стране рабочих и крестьян, где практически полностью были уничтожены благородные люди…

– Благородные люди? – перебила Кристина.

– Я имею в виду князей, графьев!

– Пьяных помещиков! – вступила в разговор Ирина Петровна и строго поглядела в глаза Алексею. – Которые легко продавали живых людей!

– Вы имеете в виду крепостное рабство? Но это было так давно!

– Я тебя умоляю, всего лишь сто пятьдесят лет назад! – расхохоталась Ирина Петровна. – А с учетом бездарного управления страной теми, кто вовсе не является правителями и, стало быть, не могут распоряжаться жизнями миллионов людей, Россия не далеко ушагала вперед, не многим далее не смазанной, скрипучей телеги! И законы, принятые в Государственной Думе, которую не без иронии в русском народе прозвали Гос. Дурой, заставляют усомниться не только в умственных способностях так называемых народных депутатов, но и психическом здоровье чиновников.

– Ну, хватит! – прервала бабушку Кристина. – Довольно пугать Надежду! Вы посмотрите, какая она бледная!

– Внучка, дорогая, прости! – протянула к Надежде руки, бабушка. – Я прожившая немало, цинична до мозга костей, а тебе стоит жить мечтой!

– Нет, бабушка, придется признать, – ответила Надежда с грустным вздохом, – мы живем не в лучшие времена, обманщиков пруд пруди, а в правительстве засели безумцы! Что стоит, к примеру, их закон о продлении пенсионного возраста?

– А что тебя не устраивает? – ехидно поинтересовался ее муж. – Работай до смерти!

– И это при условии нищенских зарплат и абсолютной невозможности отыскать достойную работу после шестидесяти лет! Будь у тебя хоть пять высших образований, ничего, кроме работы уборщицы, дворника, ночного сторожа, ты не найдешь!

Надежда всхлипнула, закрыв лицо руками:

– Какое несчастье родиться в такой стране!

– Нет, нет, страна прекрасная! – возразила Ирина Петровна. – Это всё люди! Совершенно недостойные люди, воры и предатели! Но как же смешны и нелепы все их устремления карьерного роста, накопления богатств, когда через малое количество времени в которое измеряется человеческая жизнь, они все, подхваченные служками смерти, придут к беспринципному судье – ангелу смерти!

– Ангелу смерти? – переспросила Кристина.

– Третья сила, – пояснила бабушка, – тот, о котором святоши предпочитают молчать, вспоминая лишь карикатурные образы старухи с косой!

– Он все решает? – уточнил Алексей.

– Исходя из законов людей, – кивнула Ирина Петровна.

– Что это значит? – недоумевала Кристина.

– Все просто, – улыбнулась бабушка, – религия и представление о человеческой морали, принятой в том обществе, откуда пришла душа на суд!

– Но не божий! – воскликнула Кристина.

– Ах, выбрось все эти христианские сказочки из своей головы! – с досадой, произнесла бабушка.

– Откуда вы так много знаете? – недоумевал, между тем, Алексей.

– Знаю? – в свою очередь удивилась Ирина Петровна. – Эти знания поверхностны, они тут, только возьми!

Протянула она открытую ладонь зятю.

– Не можешь? – сощурилась. – Но лишь, потому, что у тебя нет силы!

– Почему же она есть у вас?

– Хороший вопрос! – гордо выпрямилась Ирина Петровна. – Но думаю, ответа у меня нет. Скорее всего, ответ есть у Сатаны!

– Странная у вас семейка! – покрутил головой Алексей.

– О нет, юноша, странных в семье только двое – я и Кристина, остальные могут спать спокойно! Посмотрим еще, кто родится у Надежды!

И она со значением посмотрела на беременную внучку, без сил опустившуюся на стул. Все присутствовавшие захлопотали вокруг нее, поднося к губам сильно побледневшей Надежды то стакан холодной воды, то чашку с чаем, то травяной настой призванный вдохнуть силы в ее тело.

12

– Любимому человеку необходимо дать имя, – убежденно произнесла Ленка, – и это имя не то, что выбрали мама или папа, а мое собственное, понимаешь?

– Понимаю! – с воодушевлением, согласился он.

– Я назову тебя – Ангел мой! – решила Ленка, после некоторого раздумья.

Он поглядел на нее внимательно:

– Это наедине, а прилюдно?

– Ас! – нисколько не сомневаясь, сказала она и пояснила. – Потому что ты ас во всем, иначе и быть не может, раз ты – не человек?!

– Да, – кивнул он и улыбнулся, – я буду называть тебя – Айя!

– Что это значит?

– На ангельском языке означает – Да!

– Мне нравится, – захлопала в ладоши Ленка и указала в окно на протекающую мимо реку, – а как, по-вашему, будет голубая река?

– Лагун вердал!

– Ой, как красиво! – Ленка сама не своя от счастья, бросилась на шею любимому.

И снова испытала потрясающее ощущение полета, света и тепла, так и окутавшего не только ее тело, но и душу! Много ли для счастья надо маленькому человечку? Крупицу внимания, чуточку тепла и участия, уверенности в любви и любимом!

Ленка Кузнецова чувствовала себя самой счастливой, самой желанной, самой необходимой душой для ангела. А нужды тела? Да есть ли дело до требований какого-то там смертного тела? Когда более сильные впечатления, нежели банальный секс потрясают до основания?!

Бог ворвался в жизнь Ленки и поглотил ее душу, и теперь она, полностью подпав под его влияние, последовала бы за ним хоть в пекло геенны огненной.

И возникает вопрос, тех ли богов ищут фанаты эстрадных певцов? Но что могут дать одаренные музыкальным талантом, артисты простым людям? Ничего! Потому как, они тоже люди и тоже ищут богов и многие из них уверяют себя, что видели бога в кумире прошлых лет, давно ушедшем на тот свет артисте, самообман? О, да!

Как можно познакомиться с ангелом? Просто! Ленка осталась ночевать у Кристины. Подруга уступила свою кровать гостье, а сама легла в соседней комнате, спать.

Как водиться девчонки чуть-чуть похихикали, полазали в интернете, выискивая прикольные картинки, после, зевая, разошлись.

Ленка уснула моментально, едва завернулась в мягкое одеяло с головой, как и любила, засыпать. Разбудило ее настойчивое потряхивание. Ленка не совсем проснувшись, выпростала руку из-под одеяла, выискивая на привычном месте торшер с выключателем, но нашарив пустоту, испугалась. Села, вспомнив, что она не дома, огляделась, ошарашено наблюдая за бесшумно сотрясающейся кроватью.

– Землетрясение, – шепотом закричала она.

Кровать перестала трястись и в клубящемся воздухе, прямо перед лицом Ленки возникло удивленное лицо незнакомого мужчины.

Ленка потрясенно глядела в его черные глаза обрамленные седыми ресницами.

– Кто ты? – прошептала она.

– Нет, ты кто? – спросил он, удивленно и осмотрел комнату. – Где Кристина?

– В соседней комнате, – пролепетала Ленка и потеряла сознание, рухнув в постель.

Тем временем, мужчина, обретя физические очертания, прошелся по комнате, вышел в коридор и заглянул в соседнюю. Убедившись в добром здравии Кристины, которая мерно

сопела в удобной кроватке, он вернулся к Ленке и присев в кресло напротив, принялся пристально разглядывать девушку.

– Удивительная душа, – произнес он после долгого раздумья.

Ленка шевельнулась, он напрягся, когда она открыла глаза и увидела его.

– Я думала, мне приснилось, – потрясенно сказала она.

– Удивительная душа, – повторил он, приподымаясь, – может, ты еще можешь за мной последовать?

– Что это значит? – садясь в кровати, начиная сердиться, спросила Ленка.

– Я так понимаю, сознание ты терять больше не собираешься?

– Еще чего, – фыркнула Ленка и с вызовом уставилась в черные, как бездонная пропасть, глаза незнакомца.

– Я – ангел! – с угрозой в голосе, произнес он и шагнул к ней.

– Видали мы всяких там ангелов! – пренебрежительно бросила Ленка и, соскочив с кровати, встала перед ним, подбоченившись.

– Хороша! – отступил ангел и с нескрываемым восхищением оглядел девушку.

Ленка, вдруг поняла, что перед незнакомцем стоит в одной сорочке и, застеснявшись, прикрылась одеялом.

– И вообще, вы, ты, – сбилась она, – мне не объяснил цель своего визита!

– А я еще должен объяснять?! – ликовал ангел. – Божественное дитя!

– Я не дитя! – категорично заявила Ленка.

– Конечно, не дитя! – согласился он. – Если можешь выдерживать меня и не терять ежеминутно сознания, не вылетать из тела! Давно я не встречал таких сильных душ!

– То есть, – села обратно в кровать, Ленка, – ты действительно ангел?

– Заметь, один из сильнейших! – гордо произнес он. – А здесь, потому что велено охранять твою подружку!

– Кем велено? – немедленно спросила Ленка.

– О, его имя настолько известно, что ты моментально догадаешься и о моей силе, а мне бы этого не хотелось, во всяком случае, не сейчас!

– Я испугаюсь?

– Несомненно! – кивнул он и протянул к ней руки. – Давай, ты не будешь спрашивать!

– Давай! – сама не зная как, Ленка прыгнула к нему в объятия.

13

После занятий пошел снег, не мудрено, до Нового года оставалось всего несколько дней.

Холодало, и Кристина плотнее закуталась в зимнее пальто.

Серые облака закрывали почти все небо. Смеркалось, вдоль дороги, переливаясь радужными огоньками, зажглись уличные гирлянды.

Без особой надежды Кристина побрела к столовой. Едва ступив на порог, она почувствовала его присутствие.

Осторожно посмотрела в обеденный зал и сердце радостно екнуло. Удивительный блондин сидел за пустым столиком и смотрел прямо на нее. В его глазах сияло счастье.

Он легко поднялся и шагнул к ней навстречу.

Вечер все не кончался. Кристина разделила с блондином холодную сказку зимнего снегопада и шла, не чувствуя никакой усталости, окутанная его силой любви.

Будто во сне, она видела звезды в просветах между облаками, но ничего не говорила. И он не говорил, все слова казались лишними и просто растворялись в потоке чувств.

Кристина рассеянно вдыхала аромат нежных цветов, незаметно для нее возникших в ее руках в какую-то минуту жизни.

Зачарованно смотрела в ультрамариновые глаза его, сверкавшие пристальным вниманием. Рассматривала тонкие губы, прямой нос, красивые брови дугой, отмечала про себя чистоту и белизну кожи лица, без малейшего намека на всегдашнее мужское отличие, которое находила, между нами, говоря, несколько безобразным, а именно щетину или намек на щетину.

Он едва заметно ссутулился, чтобы быть ближе к ней, имея высокий рост, передвигался, тем не менее, легкой летящей походкой.

Молчал, но девушка могла бы поклясться, что слышит его красивый, полный печали голос, рассказывающий ей фантастические истории об устройстве некоего мира.

Краешком сознания она понимала всю неправдоподобность ситуации, но поделать ничего не могла, мысли исчезали, даже не сформировавшись, как следует. Привычный тяжелый земной мир исчез, уступив рассеянному нежно-голубому свету. Хрустальная пустота образовалась под ногами. В вышине прозрачного неба плыли неспешно белые облака, напоминая очертаниями то горы, то дракона, то некую птицу, то шагающего по облакам человека.

Кристина бездумно уставилась вверх, нисколько не удивляясь происходящему.

Шагать в пустоте было приятно: ничто не мешало ступням, обутым в мягкие зимние сапожки.

Дело близилось к развязке. Теперь, они оказались в тени огромного дворца, словно возникшего из сказки.

Зачарованная башнями и башенками, лестницами и лесенками, самим цветом стен дворца – серебристым, Кристина не сразу заметила черную тень. Она бежала перед блондином. Нет, не тень. На мгновение ей показался мальчик, одетый в средневековые одежды пажа.

– Хочешь остаться? – спросил ее блондин, указывая на дворец и на улыбающегося очаровательной улыбкой мальчика, вставшего перед ними в выжидательной позе. Так стоят верные друзья, готовые придти на помощь всегда и везде.

Кристина все отчетливо видела в ясном прозрачном воздухе, с замиранием сердца она поняла, как хочется ей остаться в этом спокойном, прекрасном мире и заплакала, потому, как на кого же она оставит родителей и бабушку, и беременную сестру? Представила, насколько больно им будет прощаться с ее телом, а дух, кто же из них увидит?!

Под теплым взглядом блондина, девушка покачала головой.

– Ну что же, – вздохнул он с сожалением, – ты придешь сюда, ко мне, но позже. Я подожду!

– Прости! – шепнула она.

И потянулась к нему обнять, но очутилась на крыльце у собственного дома.

В комнате царил полумрак, уличный фонарь рассеивал ночную мглу.

Она улеглась спать и заснула сразу, как сознание потеряла.

Мать, войдя к ней в комнату, тщательно подоткнула одеяло. Отец, с беспокойством взглянув в осунувшееся бледное личико дочери, предположил:

– Наверное, влюбилась!

Отчего-то обоим не спалось, накрыв на скорую руку стол в кухне, они покормили котенка и с многозначительным видом уставились друг на друга, будто чего-то ожидая.

Зазвонил сотовый телефон, отец схватил трубку и с беспокойством, вскрикивая, выслушал сбивчивые, полные слез, объяснения зятя о плохом самочувствии Надежды.

– Помчались! – коротко бросил отец взволнованной матери.

В опустевшем доме тихонько посапывал белый котенок, нашедший уютное тепло на подушке, возле щеки, спящей девушки.

Из темного угла выступила фигура. Наклонилась вперед, сосредоточенно разглядывая безмятежное лицо Кристины. Неожиданно комнату прочертил свет фар автомобиля, проехавшего по улице, высветив черные глаза, обрамленные седыми ресницами.

Опустившись в кресло и немного поерзав, он принялся напевать под нос, голос его невообразимо красивый, неторопливой волной тек над спящими. И Кристина во сне улыбалась. Ей снилось небо. С мощным порывом ветра она взлетела высоко-высоко, под белые облака. Цвет неба поменялся с голубого на сиреневый. И с вышины спустился он в сияющем ореоле.

– Ангел! – убежденно проговорила вслух Кристина, протягивая к нему руки.

Блондин, окутанный неземной аурой расправил белоснежные крылья…

14

Наутро Кристина изо всех сил пыталась собраться с мыслями, но привычного единства не было, существовали только кристаллики мыслей, сияющие, как роса в рассветных лучах солнца.

Потирая лоб, она встала с кровати и изумленно выдохнула, букет нежных цветов, погруженный в чистую воду хрустальной вазы, стоял на подоконнике.

Небесно-голубой цвет лепестков мешался с белым декабрьским светом, а по воде прыгали солнечные зайчики. Неожиданно от окна подул морозный свежий ветер, и Кристина пришла в себя.

Реально, все увиденное накануне было реально! Стараясь ничего не упустить, она принялась рисовать. Котенок составил ей компанию.

Позабыв о времени, девушка увлеклась, присутствие ангела стало настолько осязаемым, что она обернулась, чтобы заговорить с ним, но успела лишь заметить сияние, мелькнувшее в небе.

В этот момент, она увидела еще кое-что. Родителей, устало бредущих домой. По одному их виду, она поняла, что-то случилось.

– Ты почему не в училище? – завидев дочь на крыльце, переполошилась мать.

– Надежда в больнице, – ответил на тревожный взгляд Кристины, отец, – но опасность миновала, теперь она будет лежать на сохранении.

– На сохранении? – повторила Кристина, недоумевая, чтобы это значило.

– Не беспокойся, дежурства возле ее постели отменяются, – добавила мать.

– Кристя!

Окликнула подругу Ленка Кузнецова.

– Потрясающе! – оценила она рисунки Кристины, едва переступив порог комнаты. – Взгляни!

И раскрыла свою папку с акварельными листами.

Их обеих ошеломила невероятная схожесть стилей рисунков. Мало того, они обе изобразили похожие миры и ангелов, неуловимо дополняющих друг друга, существ уникальных.

– Погоди-ка, – прищурилась Ленка, глядя на изображение блондина, – где-то я его уже видела.

И достала из письменного стола подруги старую папку с рисунками прекрасного, как бог, молодого мужчины.

– Это же он, твой ангел! – воскликнула Ленка, сравнивая новые акварели со старыми.

Кристина потрясенно молчала.

Между тем, скрипнула калитка, и через минуту кто-то робко постучал в двери. В коридоре раздались голоса и на пороге комнаты подобострастно кланяясь, появился Грошев, собственной персоной.

Ревнивым взглядом окинул пространство комнаты, резво подбежал к девушкам, на ходу, выхватывая у Кристины ее работы из рук.

– Ах, так? – сощурился, с подозрением разглядывая точеный профиль блондина.

Котенок выгнул спинку и зашипел на Грошева.

– Ну, ну! – закивал ему Егор Павлович и поспешно повернулся к Кристине. – Кто это?

Девушка молчала, с вызовом глядя в его бегающие глаза.

Ленка Кузнецова отобрала у настырного препода рисунки, спрятала в папки:

– А вам-то что?

– Мне что?! – вскрикнул Грошев, хватаясь за сердце и наткнувшись взглядом на непонимающих родителей, застрявших в дверях комнаты, моментально взял себя в руки.

Он подбежал на цыпочках к матери и пожал руку отцу:

– Такая талантливая девочка, а на занятия не ходит! – говорил он.

– Где это не хожу? – с угрозой в голосе, спросила Кристина.

– А сегодня? – повернулся к ней Грошев и тут же обернулся к ошеломленным его поведением, родителям. – Вы не представляете, как мы, преподавательский состав художественного училища рады заполучить в ученицы такую талантливую и трудолюбивую девушку, но ее прогулы…

– Какие прогулы? – возмутилась Кристина.

Но Грошев не слушал, его понесло, скороговоркой он выпаливал предложение за предложением, в основном говоря, как ему жаль, что Кристина не ценит его труд и заботу о ней, как о перспективной художнице.

Усталые после ночных потрясений родители молчали и переводили взгляд с неугомонного препода на дочь и обратно, с дочери на неутомимо трещавшего о пустом, препода.

– Держи меня, я его сейчас прибью! – вполголоса проговорила Кристина подруге.

Грошев услышал и, косясь на девушек, отступил к двери, протиснулся между родителями, шаркая и не умолкая ни на секунду, ринулся к выходу. Со двора еще минут пять слышался его громкий голос с наставлениями и нравоучениями.

– Что это было? – пришел, наконец, в себя, отец.

– Грошев, наш мастер, преподаватель изобразительного мастерства! – выкрикнула раздраженная Кристина.

– Странный он какой-то! – заметил отец, рассеянно почесывая макушку.

– Ужинать и спать! – решила мать.

Ленка Кузнецова осталась ночевать в гостях у подруги. На сей раз, девушки легли в одной комнате. Белый котенок доверчиво взобрался Ленке на живот и заурчал, довольный теплом и вниманием.

– Если твой Ас придет, разбудишь меня! – попросила Кристина, устало потягиваясь и поудобнее укладываясь на своей стороне кровати.

– И ты разбуди меня, если придет твой восхитительный блондин с ультрамариновыми глазами! – произнесла Ленка, почти сразу отключаясь.

Сколь легок сон молодых, сколь непосредственен и беспечален!

Это отец в спальне, под боком жены ворочался и вздыхал, переживая за свою старшую дочь. Это мать, под боком мужа, нет-нет, да и всхрапывала, просыпаясь, глядела прямо перед собой, ничего не видя и обдумывая только одну мысль, почему же ее младшая дочь прогуляла целый учебный день, ведь такого раньше никогда не случалось!

15

Грошев не ушел, он вернулся, взобрался на дерево, прямо напротив окна Кристины и, вытащив из кармана небольшой бинокль с режимом ночного видения, который он приобрел специально для этой цели, принялся прилежно наблюдать.

Он различил в темноте наступившей ночи двух девушек и белого котенка, уснувших на одной кровати, вгляделся в белые локоны любимой девушки, но не успел, как следует налюбоваться, как был потрясен возникшим невесть откуда в бинокле черных глаз обрамленных седыми ресницами. Убрав бинокль, Грошев испытал второе потрясение, прямо перед ним на ветке стоял обладатель этих самых глаз.

Весь в черном, с черными волосами, подстриженными коротко, но модно, он смотрел на Егора Павловича испепеляющим взором.

– Чего надо? – грубо спросил он, наступая.

Грошев попятился и свалился с дерева. Не замечая боли в ушибленном копчике, Егор Павлович торопливо подхватившись, засеменил прочь, бежать он не смог бы ни при каких обстоятельствах, ноги отказывали. Страх, ни с чем несравнимый страх обуял душу Грошева.

Но черный не отставал.

– Корыстолюбивая, развратная, низкая, недоразвитая душа! – заявил он, идя в ногу с Грошевым.

– А-а-а, – тоненько завыл Егор Павлович и перекрестился.

Черный не обратил на этот жест никакого внимания.

– Шел бы ты куда подальше! – посоветовал черный.

– Черт! – в ужасе просипел Грошев, голос у него пропал.

– Обижаешь! – рассмеялся черный. – Гораздо сильнее, ведь в сущности, кто такой черт? Это бывший колдун или ведьма! Малое ангельское войско, противное тому, что есть у Богородицы!

– У Богородицы! – машинально повторил Грошев, чувствуя головокружение и слабость.

– Вот именно! – кивнул черный, не отставая от торопливо семенящего по темной дорожке, прочь от дома Кристины, бедного Егора Павловича. – Только Богородица набирает для своего малого ангельского войска из числа погибших детей, блаженных, просто дурачков, главное условие, чтобы кандидат в ангелы был наивен и прост. Именно они становятся ангелами-хранителями и именно их верующие принимают за всех ангелов Бога в целом!

И черный значительно посмотрел в бегающие глаза Грошева.

– В противовес этому войску было создано малое ангельское войско при Сатане! Единственное требование к колдунам и ведьмам, кандидатам в ангелы – не предай! Ох, не любит он предателей! Если ты предал в этом мире, то предашь и в другом! Нет ничего хуже предателей, они не только в горести и болезни бросят, но и в бою спрячутся, спасая свою драгоценную шкуру!

Грошев принялся твердить имя господа. Черный вздохнул и устало воззрился на него:

– Как ты мне надоел!

– Я сам себе надоел! – простонал сквозь слезы Грошев и упал на колени. – Отпусти!

Черный недоверчиво уставился на него:

– А ты отстанешь от Кристины?

Грошев смог только кивнуть, слезы текли у него по щекам и капали на землю.

– Быть по сему, – решил черный и добавил, – это будет справедливо!

И дунул на Грошева.

Без памяти вернулся Егор Павлович к себе домой и повалился, теряя сознание прямо в прихожей. Его одержимость Кристиной прошла, как сон. Далекий, нереальный сон, произошедший с кем-то другим…

Наутро он собрал дорожную сумку, и едва найдя в себе силы заглянуть в училище, категорично отказал директору в возможности продолжить вести курс студентов-художников. Ему было все равно, отпустят его или нет, напишут ли выговор в личное дело или нет, отпустят по заявлению или заставят отрабатывать положенных два-три месяца. Он не собирался оставаться, просто не мог, его трясло от ужаса перед встречей с Кристиной, потому поговорив с директором, завидев толпу студентов, уже подбиравшуюся к зданию училища, он, несмотря на зимний холод, подбежал к окну, рванул раму, открыл и вывалился на улицу, благо, кабинет директора был на первом этаже.

Вдогонку ему летел крик пораженного неадекватным поведением Грошева, директора:

– Да, что с вами такое? Вы с ума сошли?

Егор Павлович бежал, после он долго стоял на коленях перед неведомым ему храмом и очнулся лишь от холода, пробравшего его до костей.

Лязгая зубами, Грошев прошел пешком через весь город и вышел на задворки, где обнаружил маленький мужской монастырь. В деревянной часовне посреди двора он обнаружил источник святой воды и долго пил из алюминиевого ковшика, ничего не чувствуя. После, опять стоял на коленях, бездумно глядя на изображение Христа, прицепленное к деревянному кресту над источником. Тут его обнаружили монахи, уже успевшие закрыть ворота на ночь. Монахи, привыкшие с обходом, когда с помощью икон произносятся защитные молитвы, были потрясены видом Егора Павловича.

Выглядел он так, будто не ел, по крайней мере, три недели. Но в монастыре его не оставили, сколько ни пытался Грошев рассказать им о черном демоне.

Скорая психиатрическая увезла Егора Павловича по адресу и, успокоившись с уколами, чистый после купания в ванной, переодетый в серую больничную пижаму, он заснул, подтянув под колени ноги. Ему снились белые облака и дворец невероятной красоты. Безотчетно водя рукой, Грошев чертил скрюченными пальцами по шерстяному одеялу, как бы рисуя, но очнувшись утром, сейчас же забыл свой сон и покорно поплелся за санитаркой к ведущему психиатру больницы, проходить тесты и отвечать на вопросы. Забегая вперед, скажу, психическое состояние Грошева врачи-психиатры, собравшись в консилиум, посчитали крайне тяжелым.

В училище, получив уведомление из городской психиатрической больницы, были крайне удивлены внезапностью болезни Егора Павловича.

– А ведь казался таким нормальным, – шептались в учительской.

– Ухаживал, знаки внимания оказывал, – жаловались молоденькие учительши.

– Егор Павлович заболел, – сообщил студентам, поджимая губы и вспоминая поступок Грошева, директор, – вместо вашего мастера я назначил другого учителя!

И отступил, уступая место очкастой, строгой преподавательнице изобразительного мастерства.

16

– Неправильно все это! – вздохнула Кристина, когда Ленка с нескрываемым восхищением рассказала о поступке своего Аса. – Грошев – человек и имеет право на разумную жизнь!

– Разумную, – фыркнула Ленка, старательно выписывая натюрморт из черепа и парафинового яблока.

Кристина выпустила из руки кисточку:

– Ты не находишь нашу новую преподавательницу странноватой?

– Не то слово, – Ленка прищурилась, стирая ластиком лишнее, – череп и яблоко – по-моему, чересчур!

Кристина взглянула на подругу, Ленка преобразилась, перекрасила волосы в рыжий цвет, стала краситься, одежду поменяла. Экстравагантные, но строгие юбочные костюмы сделались для нее нормой.

Она быстро привыкла к повышенному вниманию со стороны мужчин и более не обращала внимания на суматоху с ухаживаниями.

– А зачем? – говорила она с улыбкой. – Когда у меня есть ангел, который мне не изменит, никогда не напьется, не завалится храпеть в грязном белье на чистые простыни, не будет требовать жрать и никогда ни при каких обстоятельствах не потребует физической близости!

– Фу, – выдохнула преподавательница, рассматривая рисунок Сережки Буренкова, – что за дрянь ты намалевал?

– Я старался, – возразил Буренков, краснея.

– Череп, между прочим, настоящий, не бутафорский, а ты его так изуродовал, ну-ка, дай! – потребовала она и отняв у Сережки кисть, азартно принялась рисовать.

Студенты сгрудились у нее за спиной, внимательно наблюдая за точными движениями мастерицы.

– Этого в натюрморте нет! – запротестовал Буренков, глядя, как на его большом эскизном листе, прикрепленном к мольберту, появляются кровавые сполохи, и череп с яблоком оказываются в тени корявых ветвей фантастически-кривого дерева.

– Ты художник, стало быть, творец, вот и твори! – заявила преподавательница, критически обозревая свою работу.

– Класс! – восторженно загалдели ученики, когда она отошла в сторону. – Вот это да!

– В рамочку и на стену! – предложила Ленка.

– Ты думаешь? – озаботилась преподавательница, преданно глядя на Кузнецову.

– Я пошутила, – пожала плечами Ленка.

– Это такая редкость, подобные люди на Земле! – с чувством произнесла она вслед Ленке.

– Подобные кому? – нахмурилась Кристина.

Вместо ответа, мастерица приложила руку к груди, напротив сердца и слегка поклонилась Кристине.

– Странная она какая-то! – девушки со смехом выбежали из училища.

Кристина вдохнула морозный воздух, с восхищением поглядела на заснеженные улицы:

– Как в иномирье!

– Ты про серебристый дворец? – небрежно бросила Ленка, поправляя белую вязаную шапочку на голове.

– Неужели, знаешь? – остановилась Кристина.

– Дом у нас с тобой будет один, подруга, – кивнула Ленка.

Вместо ответа Кристина взяла ее за руку. Она была благодарна этой дружбе, ведь она, как и Ленка страдала от одиночества. Но теперь, общая тайна объединила девушек, общее увлечение ангелами занимало, удивляло, как говорила Кристина, что, ни день, то новое открытие.

Впрочем, реальный мир наступал на пятки. Обе они понимали это и поэтому из училища, накупив по дороге фруктов, направлялись в больницу, к Надежде.

Изредка, беременная спускалась к ним. Садилась на диван для посетителей, дышала с одышкой, словно больная астмой.

Кристина жалела сестру, но что она могла поделать, как облегчить ее страдания? Выносить троих детей – не шутка, так говаривала бабушка!

– Может, попросить наших? – задумчиво проговорила Ленка.

– Не хочу быть потребителем, хочу сама помогать, когда надо!

– Здорово! – подхватила Ленка и, взглянув на психиатрическую лечебницу, находившуюся тут же, в больничном городке, сказала. – Несправедливо поступил мой Ас, Грошев, конечно, дурак и развратник, но лишать его разума за это?..

Она не договорила.

Через несколько дней Надежде сделалось лучше, а еще через неделю врачи выписали ее домой.

Накрывая на стол, Кристина, сама не своя от радости, напевала, когда за руку ее схватила бабушка:

– Погоди-ка, птичка божья, почему у тебя цвет глаз изменился?

– Цвет глаз? – хором воскликнули домашние: отец с матерью, сестра с мужем.

– Разве такое возможно? – растерялась Кристина и подошла к зеркалу.

Действительно, вместо привычного зеленого цвета она наблюдала теперь голубой, почти ультрамариновый.

– Как у моего ангела, – прошептала она, не зная, то ли радоваться, то ли печалиться.

17

Грошев стояла неподвижно, опустив голову и безвольно прислонившись к стене, когда его родной и единственный брат, оформлял документы.

Прошло три месяца и Грошева по закону едроссов выбросили из психушки на руки родственников, то бишь, брата.

Алексей Павлович Грошев, всего лишь двумя годами младше Егора, с опаской поглядывал на близкого родственника, пытался взять себя в руки, унять дрожь во всем теле.

Плохо получалось. Психически больные должны лежать в специальных лечебницах, а не изматывать неадекватными поступками и припадками родню.

Зачем он приехал? Все жена, жадная баба. Мало дома с огородом и сарайками в пригороде, город с благоустроенной квартирой ей подавай.

Торопясь, Алексей Павлович закончил подписывать официальные бумаги и, подхватив под руку брата, не прощаясь с персоналом клиники, поволок Егора на улицу.

– Рецепты дали? – мельком взглянув в зеркало заднего вида на бледного сумасшедшего, сжавшегося на заднем сидении автомобиля, спросила жена Алексея Павловича, дородная женщина с подходящим именем Аглая.

Алексей Павлович молча, предъявил ей ворох бумажек с голубыми печатями.

– Ну ладно, на первых порах перетерпим, – хмыкнула Аглая, заводя машину, – а там вызовем скорую психиатрическую и в интернат для умалишенных его определим!

Алексей Павлович промолчал. Он не был художником, не страдал творческими завихрениями, а являлся надеждой и опорой для родителей, особенно в ту пору, когда старший Егор, чудил, куролесил и пьянствовал.

Братья совсем не общались и в детстве проявляли максимум отчужденности друг к другу.

Егор, прославляемый школой, возгордился, Алексей в тени его славы потихоньку дотянул до восьмого класса и перешел в профессиональное училище, где обрел надежных друзей и уверенность в завтрашнем дне.

Егор остался в школе и на выпускном, его плакаты украшали актовый зал, но Алексею было на это наплевать, он наконец-таки почувствовал себя человеком. Выучившись на строителя, Алексей отслужил в армии, женился и переехал в небольшой город, где обрел новую семью в виде домовитых тестя и тещи.

Но, ни на минуту не забывал о собственных родителях, поздравлял с днями рождения, заботился, когда заболевали, хоронил, когда умерли.

Егор, обуреваемый неведомыми страстями, изображая крайнюю занятость не то, что на дни рождения, на похоронах родителей не появился и вот теперь сошел с ума.

– Поделом, – зло произнесла Аглая, загоняя Егора в ванну, – ишь, как ловко придумал, брат родителей лечит да хоронит, денежки свои тратит, а тебе, хоть бы хны! Бог шельму метит!

– Демон, – перекрестился на нее, Егор Павлович, без стеснения стаскивая с себя всю одежду и залезая в ванну.

– Кто демон? Это я-то демон? – холодно поинтересовалась Аглая, уперев руки в бока.

– Демон, – убежденно прошептал Грошев, погружаясь в пенообразную субстанцию.

Аглая замолчала, увидев, что Алексей взялся за мочалку, намереваясь мыть брата.

– Больной он, что ты его слушаешь? – тихо произнес он.

– Больной, а обзывается!

И грязно выругавшись, Аглая поспешила на кухню, где ее ожидали трое родных детей: Кирилл, Виктория и Анфиса.

Огрев подзатыльником Кирюху уже успевшего без спросу умять три ломтя хлеба; дав кулаком по сутулой спине Вике, заставив выпрямиться, она с улыбкой повернулась к Анфисе:

– Доченька, солнышко мое, супчик будешь?

Анфиса, невероятной красоты, девица пятнадцати лет, благосклонно кивнула:

– Хорошо, маман, мне немножко!

– За фигурой следишь, фифа? – дразнясь, высунул язык, старший Кирюха.

– Модель, – скривилась в презрительной гримасе, полной скрытой зависти, Вика.

– Молчать, – заорала Аглая на двух старших детей. – Анфисочка деньги на конкурсе красоты загребла, а вы что, где от вас хоть какая-то польза?

Кирилл с Викой насупившись, склонились к своим тарелкам с жидкими рыбным супом.

– Богородица дево радуйся! – взревел, вдруг Егор из ванной.

Аглая выронила половник.

– Это еще что такое?

– Таблетки, Аглаюшка, неси лекарства! – прокричал Алексей.

В ванной вскипела вода.

– Куда же вы его выписали? – кричала встрепанная Аглая на молчаливого врача-психиатра, приехавшего по вызову на скорой психиатрической. – А, если бы он нас убил?

– Оккультные больные часто бывают буйно помешанными, – согласился врач, безо всякого удивления наблюдая разгром квартиры с мокрыми следами.

– А почему вода повсюду, он что, все пытался освятить?

– Да мыли мы его в ванной! – зарыдала Аглая.

Потрясенные Грошевы проводили носилки с погрузившимся в беспамятство родственником до машины, где врач-психиатр посоветовал:

– Документы оформляйте!

– Опять? – потирая избитые в попытке усмирить свихнувшегося брата, места тел, возмутился Алексей.

– Опять, – вздохнул психиатр и подмигнул, – или мы опять через три месяца на руки его вам выпишем!

– Ну, уж нет! – выкрикнула Аглая с большой ненавистью. – Оформим, сдохнем, но оформим, чем такую сволочь привечать!

Зареванные, напуганные Кирилл и Вика, стоя на ступеньках подъездной лестницы, во всем поддержали отца и мать, только Анфиса повела носом, передернула плечиком, заметив насмешливый взгляд прекрасного незнакомца на той стороне дороги. Правда, цвет глаз мужчины ее смутил – неестественно-черный. Разве такие бывают, хмурилась она, навряд ли!

18

– Ну-ка, стой прямо, не юли, – проорала санитарка по прозвищу Лиля-танк и сильно встряхнула Грошева.

– Не надо так, – простонал Егор Павлович, прикрывая голову руками и в целом, напоминая придурковатого забитого человека.

– Поговори мне еще, – натягивая на него чистую больничную пижаму и забирая старую, воинственно высказалась она и, ударив по причинному месту соседа Грошева, старого онаниста, вздумавшего ублажать себя прямо тут, при Лиле, удалилась из палаты. Тяжело топая.

– Ей бы в тюрьме с урками работать, – пробормотал Егор Павлович, забираясь обратно в кровать.

– Вот, гляди, я ей письмо сочинил! – торжественно прошептал с соседней койки онанист и протянул огрызок бумажки.

Грошев машинально взял, письмо было написано своеобразным, неуверенным почерком с примесью печатных букв, который вызвал у бывшего преподавателя изобразительных искусств ассоциацию с начальной школой.

Он не смог сфокусировать внимание на содержании текста и страшно устав, отдал бумажку обратно.

Онанист возбужденно зашептал:

– Я женюсь на ней, и у нас будет дом с бульдогом, ведь собака должна быть похожа на свою хозяйку!

– Грошев! – сорвала одеяло со скрючившегося на кровати, пациента, Лиля-танк. – Немедленно, на процедуры!

Онанист восторженно захрюкал.

После обеда, Егор Павлович нехотя добрел до свободного окна, остальные, по всему коридору, уже оккупировали другие больные. Выглянул сквозь зарешеченные окна в больничный сад, где голые тополя тянули черные ветви к небу. Впрочем, солнце уже пригревало и веселые синички, порхающие по талому снегу, вызывали у зрителей бурю восторженных эмоций.

– Дикий народ, – вздохнул Грошев, глядя не столько в окно, сколько в измененные идиотизмом, бессмысленные глаза окружающих его людей.

Онанист, шаркая, прижимая к груди стопку чистых простыней, спешил вслед за могучей фигурой санитарки.

– Лиля-танк, – произнес Грошев ее имя и потер лоб, – что я тут делаю?

С этими словами он вошел в кабинет главного врача.

– Не могу я здесь больше! – ударил он себя кулаком в грудь. – Большинство людей считают меня странным, но большинство – это кретины и мир рассматривают с точки зрения самих себя, через себя, исходя из собственных амбиций, чувств, мироощущений!

Врач кивал, не возражая.

Высказавшись и получив альбом для рисования с набором цветных карандашей, Егор Павлович обосновался за пустым столом, в обеденном зале.

– Нарисуй мне Лилю, – попросил онанист, тенью возникая возле художника.

Грошев нарисовал.

Вырвав листок из альбома, поклонник пышных форм санитарки-грубиянки, заперся в ванной комнате, что он там делал, Егор Павлович знать не желал.

Помимо воли, рука его выписывала знакомые черты некогда любимой девушки.

– А это еще кто? – нарушила его уединение вездесущая Лиля-танк. – Вроде, посреди наших медсестер такой красоты никогда не видывала!

И она, насмешливо расхохотавшись, направилась к закрытой двери ванной, где после недолгого тарана и требований открыть, вышибла двери, чтобы за ухо вытащить полуголого онаниста.

– Фашистка, – процедил сквозь зубы Грошев, прикрывая свои рисунки локтем на манер школяров не желающих, чтобы списывал сосед по парте.

После ужина, проглотив горсть лекарств, он продемонстрировал Лиле свой язык, как всегда, широко раскрыв рот.

– Проглотил? – недоверчиво спросила она.

Вместо ответа, кивнул и побрел в палату, освобождая место в очереди за таблетками для следующих пациентов.

Провалившись в сон, Грошев уже не слышал, как укладываются спать его соседи. Он спал, наблюдая обрывки сумеречных снов, когда его разбудила Лиля-танк.

Молча, глядя ему в глаза блестящим взором, вытащила она его за руку из-под одеяла и когда он, послушный ее воле вылез, поставила перед собой, положив страшно тяжелые руки ему на плечи.

Грошев еще отметил, что на сей раз, Лиля выглядела гораздо больше своих размеров, а еще выше ростом. Итак, не маленькая, она теперь едва до потолка головой не доставала. Егор Павлович ей в пупок дышал.

«Что происходит?» – смятенно подумал он, чувствуя нечто странное и слушая богатырский храп из ординаторской той самой Лили-танка, что стояла сейчас перед ним.

– Господи помилуй! – нашел он в себе силы прошептать.

– Не помилует! – доверительно улыбнулась ему лживая Лиля и растаяла в воздухе.

Дрожа и беспрестанно крестясь, Егор Павлович добрался, приседая при каждом шорохе до ординаторской, заглянул и убедился в своих подозрениях, потому что при свете настольной лампочки на обширном диване, удобно развалившись на белых простынях, спала Лиля-танк и по всей вероятности, давно уже спала.

Грошев залился слезами…

19

Ирина Петровна, а точнее бабушка Надежды и Кристины всегда хорошо одевалась, опрыскивалась дорогими духами, подарком одного престарелого возлюбленного и выходила в свет, не позабыв мазнуть по сморщенным губам розовой помадой. При этом ее не заботило мнение родственников, отчасти негодующих по поводу ее свободного образа жизни. Он знала, что в глазах внучек выглядит авторитетно. Дети понимали ее до обыкновенной, но экстравагантной старушки.

Впрочем, с детьми всегда были проблемы, дочь жила жизнью простоватой, русской женщины. Зять не отличался умом и сообразительностью. Надежда – глупая, но отважная душа, решившаяся выйти замуж за весьма посредственного Алексея, решившаяся родить трех детей, тем более, куда деваться, если уже беременна?

Кристина? Она радовала. Девчонка делала явные успехи, и даже не пришлось прикладывать усилия, обучать, ведьм ведь учат. Старшие должны передавать знания младшим, а иначе семья может впасть в хаос. Сколько таких несчастных семей осталось после второй мировой войны, когда дети выросли с дьявольской силой, не зная, куда ее применить и как с ней быть! Таких случаев в психиатрической лечебнице рассматривалось множество. Оккультная болезнь, вот как это называлось! Престарелый возлюбленный Ирины Петровны – главный врач этой самой больницы, Сергей Павлович, как раз говорил об уникальном пациенте.

Ее распирало любопытство, Сергей Павлович всесторонне изучал этого самого пациента, но уверенности в колдовских способностях сумасшедшего у него не было. Душа, наполненная социальной грязью, все как у всех, обычный человек, но почему тогда болен оккультной болезнью?

Переступив порог кабинета своего возлюбленного, Ирина Петровна сразу же обратила внимание на увешанную почетными грамотами, дипломами, сертификатами стену.

– Стена позора! – резюмировала она.

– Почему это? – искренне удивился Сергей Павлович, подходя к Ирине Петровне с шикарным букетом алых роз.

– Страну загнали в капитализм, деньги на каждом углу требуют, в государственную больницу без копейки не ляжешь, а достижения, успехи оценивают цветными бумажками? Я тебя умоляю! – расхохоталась она.

– Ирочка, какая же ты умница! – восхитился Сергей Павлович, целуя запястья ее тонких рук.

– В каждом учреждении увидишь такие бумажки, – продолжала, между тем, Ирина Петровна, постепенно распаляясь, – даже больше скажу, если хорошенько покопаться в доме любого из нас, скорее всего, обнаружишь некую почетную грамоту за что-то там! А нация больна, люди умирают, загоняя себя на работе, запуская хронические заболевания. На том свете грамоты не нужны, они были не нужны и в советское время, но тогда хотя бы было государство!

– Ирочка, я тебя прошу, не расстраивайся!

Засуетился Сергей Павлович, усаживая свою возлюбленную в мягкое кресло.

– Сергей Павлович, – приоткрыла дверь, просовывая большую голову, украшенную белой косынкой, Лиля-танк, – я Грошева привела!

– Грошева? – нахмурилась Ирина Петровна. – Где-то я уже слышала эту фамилию!

Сергей Павлович открыл карту больного, прочитал вслух место работы Егора Павловича Грошева.

– Странно, – подскочила Ирина Петровна, – в этом училище моя внучка учится!

Грошев вошел, вернее Лиля-танк его внесла, санитарка тащила пациента за шиворот, приподымая над полом так, что Егор Павлович едва носками до пола доставал.

– Вот, получите и распишитесь! – удовлетворенно громыхнула она, отряхивая невидимые пылинки с пижамы Грошева.

Егор Павлович припал к стене, со страхом глядя на санитарку.

– Садитесь! – ласково предложил Сергей Павлович, подвигая к пациенту другое кресло.

Грошев сел, но как-то боком и с опаской поглядел вокруг, неожиданно шумно принюхался:

– Колдунами пахнет! – заявил он.

– Колдунами? – оживилась Ирина Петровна.

Грошев взглянул ей в лицо:

– А у вас ее глаза! – сказал он, вспоминая бывшую любовь, испытывая томление и муку.

– Чьи глаза? – потребовала Ирина Петровна, наклоняясь к безумцу, заглядывая ему в лицо.

Грошев неуверенно скорчился в кресле, сложив руки крест-накрест, перебирая длинными пальцами рукава пижамы.

– Я покажу! – сообразила санитарка и метнулась в палату больного.

Через минуту она вывалила на стол главного врача несколько альбомных листов изрисованных хорошо узнаваемыми портретами девушки.

– Кристина! – узнала Ирина Петровна, внимательно рассматривая рисунки.

И выпрямилась, потребовала:

– Что она вам сделала? Ну-ка, рассказывайте!

Грошев покосился в сторону санитарки.

– Лиля из наших! – заверил присутствующих Сергей Павлович. – Только я не уверен, что вы из наших?

Обратился он к Грошеву.

Егор Павлович дернулся, кивнул и коротко рассказал о случившемся.

– Да, Сергей Павлович, – покачала головой Ирина Петровна, – право слово, не знаю, что нам делать!..

Сергей Павлович страдал от излишней заботы одинокой, меланхоличной матери, принадлежавшей к поколению женщин не мыслящих себя без всегдашней опеки о муже и детях. Определив вначале младшего сына, разбившегося в автомобильной аварии на кладбище, схоронив мужа, она организовала постоянную слежку за старшим и теперь единственным сыном, то есть Сергеем Павловичем.

Внучки, жившие отдельно от главного по психам, отца, во всем способствовали неутомимым происками бабушки.

Ситуацию усугубляло еще полное отсутствие знаний матери о духовном мире. Колдовская сила перешла к Сергею Павловичу при рождении, по линии отца. Опасаясь неразберихи при раскрытии этого секрета, Сергей Павлович очень тосковал и отводил душу только в разговорах о привлекательном, демоническом мире с санитаркой Лилей-танком, которая являлась хотя и средней по силе ведьмой, но ведьмой весьма сообразительной. Однако, встретив ведьму высокого ранга, равную себе, а именно Ирину Петровну он безумно обрадовался.

– Наконец-то! – метался он по комнате своего дома, поглощенный радостью, конечно же, не замечал подозрительного глаза матери моргающего из незаметной дырочки, пропиленной, как раз, под ручкой.

– Кто она? – ворвалась в комнату мать, потрясая сухими кулачками. – Поди-ка, пустышка крашенная?!

– Мама! – завопил Сергей Павлович.

– Не отдам! – вцепилась мать в рубашку сына и заплакала, роняя обильные слезы ему на грудь. – Единственного моего сыночка стерва окрутила!

– Мама! – растерялся Сергей Павлович и обнял девяностолетнюю мать. – Успокойся, я с тобой останусь!

– Правда? – подняла зареванное лицо старуха. – Ты не женишься, не приведешь сюда молодуху?

– Не женюсь, поздно уже мне о свадьбе задумываться, – усмехнулся Сергей Павлович и кинул искоса взгляд на зеркало, где семидесятилетний седой, но представительный мужчина, так сказать главврач почтительно поддерживал свою очень старую мать.

20

– Все женщины полны обмана! – злобно шептал Грошев, царапая ногтями стену возле своего носа.

– Не скажи! – страстно прошептал со своей койки сосед-онанист. – Есть и такие, знаешь…

И он замолчал, издавая сладострастные стоны.

– Дурак ты!

Бросил ему Грошев, раздосадованный, что ему помешали. На дворе была глухая ночь и чего этому озабоченному не спиться, покосился Егор Павлович в сторону соседа.

– Лиля, – мечтательно вздыхал онанист.

– Твоя Лиля – ведьма, – раздраженно пробормотал Егор Павлович.

– Пускай, я ее и такой люблю!

– Если хочешь знать, я сюда угодил из-за женщины! – заявил Грошев.

– Да ну? Расскажи!

Потребовал онанист.

К своему удивлению Егор Павлович рассказал.

– Овладеть тебе ею надо! – решил онанист.

– Разве? – растерялся Грошев.

– А как же! – возбужденно зашептал сосед. – Овладеешь – отомстишь, и все пройдет!

– Типичная логика! – обиделся Грошев. – И потом девчонка она совсем!

– Еще чего, девчонка! – пренебрежительно фыркнул онанист. – В стародавние времена одиннадцатилетних замуж выдавали!

– Так-то в стародавние!

– А нынче что? Сплошной разврат и никаких тормозов! Особенно у юных!

Заметил онанист.

– Все это ерунда, – отмахнулся Грошев, – я в психушке, на окнах решетки, как я выйду отсюда?

– Другое дело, – засмеялся сосед, отчего-то чрезвычайно довольный и, запустив руку под матрац, выудил связку ключей, – у Лили выкрал!

Доверительно сообщил он.

– И она не заметила? – удивился Грошев.

– А я ей связку ключей главврача подсунул. Ему не до ключей сейчас, он влюблен!

– Знаю, – буркнул Грошев, вспоминая старую ведьму, Ирину Петровну.

На цыпочках они прокрались к кухонной двери, открыли, замирая, прислушиваясь к храпу дежурного санитара. Из кухни, миновав чисто-вымытые электрические плиты с перевернутыми кверху дном огромными алюминиевыми кастрюлями, прошли к запасной двери, ведущей на маленькое крыльцо, куда, в обыкновении каждое утро подъезжала грузовая машина со свежими продуктами.

– Постой, как же я вернусь? – всполошился Грошев.

– Если хочешь вернуться, возьми ключи! – улыбнулся сосед и посоветовал. – До рассвета!

Вместе они посмотрели на темное небо.

Дальше, Грошев пошел один. Он запрокинул голову, открыл рот, ловя губами редкие капли весеннего дождя. Прохладный воздух не мог остудить его горячую голову. Впрочем, больничная пижама и больничные тапочки скоро промокли и Егор Павлович, несмотря на боевое настроение, принялся дрожать, тем более он не мог в темноте найти выхода с территории. Высокий каменный забор тянулся бесконечно и, ощупывая шероховатые стены, Грошев поминутно впадал в отчаяние.

Наконец, он вышел к воротам и был пойман бдительными охранниками, высыпавшими из сторожевого домика. Сопротивление оказалось бесполезно, и Егор Павлович разжал кулак, покорно отдавая ключи.

Дальше события ночи понеслись вскачь, и Грошев только успел заметить горячую воду в ванной, новую пижаму и болезненный укол, с которым он успокоился до обеда следующего дня, нечувствительный к шепоту соседа-онаниста, бесчувственный к тычкам санитарки Лилитанка, пытавшейся поднять его с утра на допрос к главврачу.

Ближе к обеду он стал просыпаться и увидел видение, в котором узнал своего преследователя. Демон, на сей раз не улыбался, а смотрел серьезно. В черных глазах его обрамленных седыми ресницами плескалась бездна.

Егор Павлович проснулся, весь в слезах, отчаянно рыдая. Истерил он настолько серьезно, что после недолгого изучения лечащими врачами, был препровожден в отделение для буйно помешанных, где его вопли растворились в причитаниях, завываниях других сумасшедших.

21

Ленка Кузнецова отколола заколку и, тряхнув головой, высвободила каскад рыжих, искрящихся на солнце, волос. Сережка Буренков рот разинул от такого великолепия и в прямом смысле, рухнул ей под ноги.

– Буренков, что с тобой?

Повела она плечом.

– Ах, подруга, опять мужикам сердца разбиваешь? – погрозила ей пальцем Кристина.

Перешагнув через парня, они озорно рассмеялись.

– Весна! – прокричала Ленка, выбегая на крыльцо училища, и распахнула руки навстречу теплым лучам оранжевого светила.

– Я мечтаю съесть что-нибудь вроде бутерброда и выпить чашку горячего сладкого чая! – заявила Кристина.

– Поехали ко мне! – предложила Ленка.

Квартира Кузнецовых совершенно преобразилась. Бабушка выздоровела, наверстывая упущенное, она пропадала во дворе, перетирая с подружками косточки соседям.

Кристина восторженно среагировала на оригинальный обед, сооруженный Ленкой: яичницу с жареными помидорами, йогурт с кусочками бананов и кофе с мороженым.

– Ремонт бы сделать? – оглядывая зачуханную кухню, предложила Кристина.

– Зачем же дело стало?

– А твой отец и мать? – спросила Кристина, выглядывая во двор и наблюдая корявую фигуру отца, игравшего с мужиками за столом в домино.

– Им плевать!

Хихикая, девушки принялись разрабатывать план ремонта. Что и говорить, здесь было все, и радужные бабочки по голубому потолку, и море подсолнухов нарисованных на кухонных стенах, и бесконечные поля белых ромашек в комнате самой Ленки, и фееричные цветы мира ангелов.

– Чем занимаетесь? – материализовался Ас.

– Легок на помине! – повисла на нем, Ленка.

Кристина объяснила.

– Это можно устроить прямо сейчас! – задумчиво рассматривая план девушек, проговорил ангел.

Девушки радостно захлопали в ладоши.

В ту же секунду несколько сот младших ангелов, а точнее бесов, принялись красить, белить, старательно наводить красоту. Аккуратно и скоро, они исполнили задуманное художницами и оставили покрашенные стены, потолки сохнуть, откланявшись и удалившись с ведрами краски, малярными кистями.

– Вот это, да! – восторженно растопырив пальцы, верещала Ленка.

– Все для тебя, любовь моя, Айя! – поклонился Ас и исчез, растворившись в воздухе, будто и не был.

– Что это? – удивился отец Ленки, входя нежданно в квартиру.

– Новый дизайн нашего жилища! – смело заявила дочь.

– Но, когда вы успели, я часа два только в доме не был? – недоумевал старший Кузнецов, норовя взглянуть на настенные часы.

– Вот тогда и успели, видишь, какие мы с Кристей шустрые!

Кристина быстро достала из холодильника бутылку пива, Ленка всунула бутылку отцу в руки и вытолкала его прочь, на лестничную площадку, где он, помотав головой, будто избавляясь от тяжкого похмелья, засмеялся:

– А молодцы, девчонки, красиво расписали квартиру, необычно так, надо похвастаться перед мужиками! – и впервые взглянул на дочь с одобрением. – Умница, дочка!

Ленка зарделась.

– Спасибо, папа!

И посмотрела со значением на подругу:

– Видишь, как ангел изменил мою жизнь, и отец стал со мной считаться!

Вместо ответа, Кристина схватила ее за руку:

– Давай посмотрим, что натворили ангелочки, мы так толком ничего и не видели!

Они обежали всю квартиру, последним оценили роспись балкона, о котором даже и не задумывались, но тут, волнующееся зеленое мое и оранжевое солнце, расцветшее на серой стене, заставили их вздохнуть.

– Алых парусов не хватает, – мечтательно пробормотала Ленка.

Немедленно, невидимый художник принялся рисовать парусник под алыми парусами.

Ленка раздухарилась:

– И дельфинов!

Из волн запрыгали темные тела дельфинов.

– И русалок!

Показался песчаный остров с одинокой пальмой, на котором вальяжно расположились красавицы-русалки.

– И тритонов!

Рядом с русалками разлеглись светловолосые тритоны.

– Хочу замок! – не логично заявила Ленка и притопнула ногой. – Хочу, хочу!

В воздухе, под белыми облаками, в туманной дымке показался старинный средневековый замок увешанный гербами.

Ленка загляделась:

– Красиво!

– Благодарим! – выступила вперед Кристина и пожала руку Ленке, мол, не зарывайся, подруга.

Неизвестный художник быстренько пририсовал белых чаек и альбатросов, добавил дополнительной воздушности всей картине, да и был таков.

– Ах, ах, – заахала бабушка Ленки, восторженно прижимая руки к груди, – в такой красоте, и умереть не страшно!

– Бабушка, ты опять? – упрекнула ее внучка.

– Не буду, не буду, – закивала бабушка, божий одуванчик, с сиропным личиком, ласковыми глазками, – я теперь хорошо себя чувствую.

Подруги переглянулись, вмешательство ангела Ленки было очевидно.

Бабушка засеменила на кухню:

– Праздничный пирог надо бы испечь! – и замесила тесто, девчонки с энтузиазмом принялись ей помогать.

Хлопнула дверь и в квартиру, озираясь так, будто ее сейчас укусят, вошла мать Ленки, редкая гостья в семье.

– Ремонт сделали? – и, не слушая ответа, кивнула, деловито направляясь в комнату, которую она изредка, но все же делила с мужем. – Я за вещами!

Бабушка молчала, месила тесто. Мать, собрав сумку, вернулась в кухню, пригляделась к дочери:

– Как ты изменилась, выросла! – и, помолчав, добавила. – Я уезжаю!

Бабушка посмотрела на нее.

– Насовсем! – с вызовом произнесла мать. – На развод подам дистанционно!

– Это как? – прервала общее молчание, Ленка.

– Разведусь с твоим отцом заочно! – и вздохнула, обвела взглядом квартиру. – Может, теперь по-другому вы жить станете!

– Может! – подала голос, бабушка.

Мать развернулась, не прощаясь, твердо постукивая каблуками, вышла вон, захлопнув двери.

– Как жила, так и ушла! – вздохнула бабушка.

– Чужая она нам! – согласилась Ленка.

– Ну и ну? – подивилась на поведение матери подруги, Кристина.

– Мы привыкли! – буднично сообщила бабушка.

– А отец, он что, тоже привык? – спросила Кристина, не веря ушам своим.

– Вначале плакал, пить стал, после бросил, пристрастился к пиву и домино во дворе!

– Сноха у меня – блуда! – сердито смаргивая слезу, сообщила бабушка.

Ленка всхлипнула, вытерла пальцами под глазами, чтобы убрать черные следы размазанной слезами туши.

– Мы и без нее проживем! – упрямо тряхнула головой Ленка.

– Что говорить, при таких подсолнухах, – оглянулась на стены кухни, бабушка, – мы про нее и не вспомним!

22

Летом, когда у Надежды в колыбельках вовсю агукали уже трое сыновей, на крыльцо психиатрической лечебницы взошел монах.

Выглядел он сосредоточенным, спокойным. В ясных глазах таилась грусть.

Разговор с главным врачом больницы, Сергеем Павловичем оказался недолгим. Особо тяжелых больных, так называемых отказников, из психушки отпускали с радостью. При отсутствии государства, когда все замешано на деньгах, конечно же редко, кто из родственников слабоумных станет оплачивать услуги санитарок, нянек, а без этого в нынешней Едроссии никак.

Монах, настоятель большого мужского монастыря, в сельской местности открыл вначале приют для бездомных людей, затем организовал медицинский пункт, теперь он готов был взять на себя заботы о несчастных безумцах.

В числе прочих, перевезенных на «скорых медицинских» машинах был и Егор Павлович Грошев. Родственники, брат с женой и племянниками от него отказались, подписав соответствующие бумаги.

Егор Павлович был совсем плох, когда его отмыли, переодели в нормальную одежду, когда заботливые монахи вывели на крыльцо, и солнце заглянуло ему в глаза, Грошев принялся вспоминать свое имя, свое прошлое, но так и не смог ничего вспомнить. Жизнь его началась с чистого листа.

Он полюбил посиживать на крыше своего маленького, выстроенного из красного кирпича, домика, где в нескольких комнатках жили другие болящие, полюбил смотреть на белые облака неспешно плывущие по голубому океану неба, полюбил горячо благодарить бога за свое скромное счастье жить!

Он более не плакал и не вздрагивал по ночам, хотя ему по-прежнему монахи оставляли включенный ночник в комнате. Его никто не преследовал, и он совершенно разучился рисовать. Бывшие ученики наверняка не узнали бы его, так он изменился, исхудал, пристрастился к молитвенным бдениям и садовым цветам.

Он выращивал на подоконнике мяту и добавлял ее в чай.

Сергей Павлович, главный врач психиатрической городской больницы изредка интересовался судьбой бывшего пациента, но лишь письменно, сам не приезжал, да и куда ему, колдуну, было соваться в намоленное место, каждый из нас должен служить своему господину.

Правда, один раз приехала Ирина Петровна и, опираясь на трость, прошла прямиком к святому источнику, долго пила из железной кружки, нисколько не заботясь о свойствах влияния на свой организм святой воды. После, долго говорила с настоятелем монастыря и монах, едва не благословив ее по окончании разговора, привычно подняв руку для крестного знамения, дернулся, как от удара током:

– Простите, – обронил он вежливо, – я понял, мы позаботимся о нем!

Ирина Петровна, старая ведьма высокого ранга, полная достоинства, покинула монастырские стены, а Грошева взяли псаломщиком и упросили принять постриг инока, он согласился, с радостью.

В монастыре ему стало намного лучше, сознание прояснилось, но и только, по-прежнему прошлая жизнь была покрыта туманом. Его это не беспокоило, интуитивно Егор Павлович чувствовал некую опасность, даже смертельную опасность от знания, как и зачем он жил раньше. И потому мозг его воздвиг плотный заслон на все воспоминания, абсолютно все, кроме монастырских.

То, что о Грошеве практически не вспоминала Кристина – другое дело. Ее теперь всецело занимали маленькие племянники. Помощь сестры была для усталой Надежды просто бесценна и ничего, что довольно часто чьи-то ловкие руки пеленали, меняли подгузники и пеленки

одному грудничку, в то время, когда обе сестры были заняты, скажем, двумя другими. Надежда ничего не замечала, а бабушка хоть и замечала, но молчала, улыбаясь Кристине и в целом, одобряя невидимого, но бесценного помощника…

Рассказы отца Димитрия

Вместо вступления

Отец Димитрий Ярцев – приходской священник сельской церкви. Человек не старый, но и не молодой, как он сам про себя говорит – божий, ни на что не похожий. Отличительной чертой его характера является сожаление, что он не в состоянии накормить и обогреть голодных и обездоленных всего мира. В его доме вечно живут изгои и просто потерявшиеся люди. Он счастлив сам не доесть, не допить, но ближнего накормить. В связи с этим у него много разногласий с жителями села, но большинство прихожан церкви, батюшку поддерживает и понимает. Довольно часто на селе можно увидеть как некая хрупкая старушка тащит к церкви тележку, набитую сверх всякой меры картошкой, консервами, крупами, сахаром, в придачу старушка обязательно приволокет мужнины вещи (не пропадать же добру, коли мужик помер) и с поясным поклоном складирует дары за свечной прилавок, где жена отца Димитрия, матушка Настасья с приветливой улыбкой кланяется в ответ.

Дом у отца Димитрия большой, двухэтажный, но бревенчатый, достался по наследству от отца, а отцу от деда.

В доме несколько голландских печей-лежанок. В гостиной стоит белая русская печь, в которой матушка Настасья готовит завтраки, обеды, ужины. Шуровать чугунками ей помогает набожная, но очень глупая девка по имени Светланка.

У Светланки своя история, ее изнасиловал собственный отец, и она бежала в детскую комнату милиции, где инспекторша по делам несовершеннолетних приняла в ее судьбе самое горячее участие. Светланку отняли у родителей, отца посадили, а мать предупредили. Впрочем, мать была рада избавиться от слабоумной дочери и ни разу в интернате для умалишенных детей, дочь не навестила. Окончив интернат, Светланка самостоятельно, пешком, отмахала сорок километров и пришла под окна дома отца Димитрия. Он к ней вышел и, улыбаясь в бороду, спросил:

– Что ты есть такое? Дитя?

– Дитя! – эхом отозвалась она.

– Дети нам, ой, как нужны! – рассмеялся отец Димитрий.

Детей отцу Димитрию бог не дал, но может и к лучшему, неизрасходованная любовь расходуется на взрослых детей.

Вот, к примеру, Шурочка. Ни роду, ни племени своего не помнит, долго в милиции добивались, кто он да откуда, а после отправили в больницу. Из больницы его забрал отец Димитрий. С тех пор Шурочка считает священника, несмотря на собственную седую голову родным отцом. У Шурочки загорелая кожа, потому что он вечно на улице, дома ему трудно дышать. Лишь заморозки загоняют его с сеновала в дом, где он с великой неохотой укладывается на здоровенном сундуке, возле самых входных дверей, спать.

Или Игнаша. Изгнанный за пьянство не только из дома своей жены, но и из дома своей матери. Игнаша больше не пьет, а желая отработать хлеб, соль постоянно бегает в ближайший лес с пилой и топором, заготавливает дрова на зиму, после тащит, взвалив березовые чурки на волокушу – поваленную ель, через поля, болотины и выбившись из сил, ложится отдыхать во дворе, на скамейку. От трудовых повинностей, добровольно взваленных на себя Игнашей, отец Димитрий его не освобождает, а одобряет действия пьянчужки, втайне надеясь на очищение его души посредством тяжкого труда.

Есть еще Коля, Валера, Эдик и Борис Иваныч. Все четверо с трудной судьбой, оказавшиеся после тюрьмы в изгоях у кровных родственников. Все четверо верой и правдой служат

в церкви, помогают псалмы читать и церковные службы вести. Совершенно тихие, понятливые и совестливые люди. Не воры, но попавшие за мошенничество под суд, кто, будучи бухгалтером, не удержался, дал слабину и подделал документы, потворствуя вору-директору, а кто, вроде Эдика и вообще не понял, как, но держал ответ перед судом за вороватых коллег.

Одним словом, как говорят у нас, на Руси, от сумы да от тюрьмы – не зарекайся!

Есть еще один человек, по имени дед Осип. Старый человек восьмидесяти лет. Погорелец и бобыль. Ни кола, ни двора. Дед Осип, несмотря на приличный возраст всегда в движении, пасет коз и коров, у отца Димитрия, благодаря стараниям прихожан, большое стадо. Вместе с Шурочкой он занимается сенокосом и дойкой, в первом ему равных нет. С утра пораньше, загнав коров с козами на луга и привязав каждую животину к колышкам, чтобы стадо не разбредалось, дед Осип начинает махать косой и за половину дня столько накосит, что и механическим приспособлениям вовек не угнаться за расторопным дедом.

По вечерам дед Осип любит наигрывать на балалайке и дает уроки мастерства сельской ребятне. Много балалаечников он подготовил. На селе каждый гитарист – его ученик. Ему, что балалайка, что гитара – одна «малина», только у гитары струн больше.

Бывает, к отцу Димитрию заявляется гость нежданный, но желанный. Бродяга, весь пропитанный духом костров и вольных ветров, по прозванию Ворона.

– Не пью, не курю, веду здоровый образ жизни! – категорично заявляет Ворона в ответ о своем житье бытье.

Ворона – бывший клиент психиатрической лечебницы, если бы осталась на дворе советская власть, а стало быть, государственная, он бы по сию пору слонялся по коридорам психушки.

– Как же ты в больнице оказался? – соболезнуя Вороне и придвигая ему полную тарелку гречневой каши сдобренной сливочным маслом, спрашивает матушка Настасья.

– Призрака увидел! – буднично сообщает Ворона так, будто встречает призраков каждый день.

Более от него ничего нельзя добиться, да никто особо и не настаивает.

В доме отца Димитрия считаются с пропащими душами, не обзывая их пропащими, а напротив – людьми, божьими душами.

Впрочем, живется всем этим людям не плохо. Главный девиз в доме – один за всех и все за одного. Также с животными. Бродячие коты, собаки обретают в покоях у отца Димитрия невиданное счастье рая на земле, но хлеб отрабатывают. Коты стерегут дом и хлев от набегов крыс и мышей. А собаки сопровождают деда Осипа, с рвением исполняя роль пастушьих собак. Единственное, на что в данной ситуации обращает внимание отец Димитрий – это стерилизация и кастрация новых четвероногих жильцов. И вообще, постоянные наезды ветеринара с осмотрами и прививками для животных вошли в норму.

Также и с людьми. Не доверяя особо фельдшеру, у которого, как правило из всех способов медицинского осмотра есть только стетоскоп, отец Димитрий, встречая Ворону, а Ворона появляется в последние дни осени каждого года и с первыми днями исчезает, везет своего подопечного, прихватив еще кое-кого из домашних в город, где по знакомству, лечащий врач городской больницы проводит все необходимые анализы, назначает лечение, если надо.

Немного о селе

Тут необходимо сказать несколько слов о прихожанах церкви и непосредственно о жителях села.

Не очень большое, село это спокойно пережило разрушительные годы перестройки и дикого ельцинского безвременья. Способствовал этому глава села, а точнее, хозяин, хитрый, расторопный мужик чрезвычайно не доверяющий новой власти. Его постоянной присказкой являются слова:

– Воры, они и в Африке воры!

В его кабинете одноэтажного скромного домика сельской администрации невозможно увидеть портрет президента и российскому флагу он нипочем не поклоняется.

В то время, как новые «хозяева» жизни разваливали миллионные совхозы вокруг, его скромное сельское хозяйство оставалось в строю и мало того потихоньку расширялось, захватывая бесхозные поля и луга в округе. За бесценок глава села скупал у несчастных акционеров погибших миллионщиков их паи и принимался за дело.

В его совхоз повадились ездить за оптом овощей кавказские иноземцы и торговцы мясом выпрашивают скотинку на убой, с птичника на городской рынок уходят свежие яйца.

Таким образом, зарплаты выплачиваются, новая сельхозтехника покупается, население прибывает. Школа не пустует. Всегда полная задорных детских голосов и творческих идей, школа не хуже сельского клуба объединяет жителей, беспрестанно зазывая то на спектакли, то на чаепития, то на вечера пения старинных русских песен.

В селе множество частушечников. Искусство перепеть друг друга передается из поколения в поколение, куда там рэперам. Они срезались бы на первом же этапе. Частушечники, один моложе другого, выступают друг против друга с житейскими темами, при людно обличая в тайных грешках соперника или соперницу. Никто не обижается, хохочут и раскрасневшиеся, уступают место другим охотникам попеть.

Живут дружно, справляют свадьбы и дни рождения, одно плохо – суеверия. Ни дня не проходит без страшных сказок про леших, домовых, кикимор, привидений и прочую нечисть. И откуда это повелось, бог весть, должно быть с молоком матерей впиталось. Но и старые, и молодые заходя в лес, непременно раскладывают на пеньках помидоры, яйца, хлеб, кланяются деревьям, поминая с льстивыми улыбками лешего. За дровами в лес точно также ходят. На погост, навестить усопших, идут спозаранку, после трех часов дня ни одной живой души, кроме глупых ворон, ни за что на кладбище нельзя увидеть.

Через перекрестки всегда переходят с крестным знамением и ужасом в глазах, не перекрестишься, черт утащит, стращают они детей.

На рыбалку, к мелкой речушке протекающей неподалеку от села идут непременно с дарами водяному и русалкам, кидают в воду куски сахара. Кланяются. Почему сахар? Пожимают плечами, так исстари повелось, сам сахара не попробуешь, а водяному отдашь, и улов будет. Как ни странно всегда бывает. Приезжие городские рыбари завидуют местным, городские уезжают с двумя-тремя хвостами, в то время как сельские едва могут десятилитровые ведра приподнять от тяжести рыбы, просто вываливающейся наружу.

Приметы и сны – главная тема обсуждения на селе. С утра до ночи трещат о сновидениях местные, пускай хоть третья мировая и тут не оставят болтать о любимом вопросе.

В связи с этим много неразберихи вываливается на голову священника, отца Димитрия Ярцева, сельские мужики и женщины рассуждают что он-то, как человек духовный должен разобраться и пояснить, что, к чему, он и пытается объяснить…

1

«Устал я после вечери, домой еле приплелся, кое-как взобрался по лестнице на второй этаж. Сунулся в прихожую, а там бабка одна сидит, меня дожидается. Ахти, говорит, батюшка, диво дивное со мною приключилось. Вышла я в сумерках в огород, а там черт пышет, дышит, я в крик, едва в избу заскочила, в обморок грохнулась. А утром, гляжу, картошку кто-то зорил. Как есть, гряды перерыты… Что делать то, батюшка, пришел бы, огородик мой освятил! И смотрит на меня с надеждой. Что делать? Не отвяжется глупая баба! В церковь вернулся, воды святой в трехлитровую банку набрал и к бабке, благо до дома ее десять минут ходу.

Огород освятил, молитвы прочитал, слышу, хрюкает кто-то, смотрю, в дыру в заборе свинья протискивается, вот тебе и черт! Бабка за веник схватилась, свинью погнала, с соседкой ругаться принялась, а я потихоньку, потихоньку, да и был таков.

2

После причастия две подружки стоят, умиляются, друг дружке кланяются.

– С праздником тебя, кума!

– Ноне в одежды светлые оделась, нарядилась, чисто невеста!

– Невеста, каких поискать!

– С вилами ищут в преисподней!

– За черта замуж вышла!

– За твоего брата!

– Черт он, черт!

От чертовки и слышу!

И пнула одна другую. Я им замечание сделал. Не слышат. В волосы друг дружке вцепились, визжат на всю церковь, насилу разняли, водой святой окатили, только тогда и успокоились.

3

На исповеди подошла молодая, лет двадцати, не больше. Потупилась, грешна я, батюшка и молчит, в чем спрашиваю, грешна, грехи вслух перечисляю, она на каждый вздыхает, слезу роняет. Говорю: не убий. Она в ответ всхлипнула, ой грешна, так грешна. Погоди-ка, спрашиваю, в этой заповеди провинилась? А как же, отвечает – провинилась. Кого же ты убила? Плачет, ой, убила, так убила. Оказалось, подружке своей не сказала, что платье шиворот-навыворот нацепила, парни на смех подругу подняли. Я удивляюсь, причем тут убийство? А как же отвечает, глаза блестят от слез, веру в людей я в ней убила? – Убила! В принципе, правильно! Ну, иди, покайся теперь перед подругой и впредь, не греши! Но любопытство разобрало, как так, спрашиваю, подружка могла не заметить, что платье на изнанку надела? А так говорит, грибы мы с ней собирали, заблудились чуток, вот подружка платье и перевернула, чтобы своей лешему показаться, а когда он из лесу отпустил, позабыла переоблачиться, ну, что тут скажешь?!

4

На масленичной неделе любимым делом на селе является всегда перетягивание каната. С одной стороны тянут бабы, с другой – мужики. Бабы одолеют, мужики бегут, батюшка, кричат, они все – ведьмы, как такое возможно, чтобы бабы и оказались сильнее нас, мужчин!

А мужики перетянут, бабы бегут с криками, батюшка, рассуди, мы день-деньской крутимся, сеем, пашем, с детьми, домашними хлопотами валандаемся, а мужики нас перетянули. Как так? Стало быть, черти им помогали!

5

У одной ячмень на глазу вскочил. И принялась она по селу бегать, просить, плюнь да плюнь мне в глаз. Плевали, конечно, все, кому не лень. Только после плевка старухи Алексеевны ячмень возьми да пройди. И пошла по селу гулять молва, Алексеевна – целительница! У нее де сила есть! Принялись таскаться к Алексеевне, с просьбами вылечить от ревматизмов, от насморков.

Алексеевна рассердилась, батюшка говорит, ослобони меня от этих дураков, ведь что удумали, в избу не пускаю, так они стараются до окон моих дотянуться, больным местом к стеклу прислониться, всяко, твердят, поможет.

Пришлось целую лекцию о святых и целителях сельским читать и после еще долго вступаться за Алексеевну, отваживая болящих доброхотов от ее дома.

6

У каждого двора целое куриное царство, во главе царства петух. Но у братьев Краснокутских куриц особенно много. Братья ленивы, поесть яичницу им в охотку. Куриц в связи с этими двумя обстоятельствами развелось у них видимо-невидимо. Деревенские яйца городские лакомки разбирают быстро и братья каждодневно собирая из-под куриц богатый урожай крупных яиц, приноровились на электричке мотаться, на городской рынок. Тем и живут. Вдруг, что такое? Обнаружили возле петуха маленького змееныша и скорлупа яйца рядом валяется. Петух, старый уже, генерал в отставке, сидел наподобие курицы, спал, а тут этот змееныш.

Схватили тварь и ко мне. Батюшка, нам петух василиска родил. И так-то обеспокоились, что пришлось лазать по их курятнику, искать корень зла. Нашлась ужиха и еще парочка маленьких ужиков. А не отыщи я мамашу змееныша, паника на селе была бы великая.

7

Вот и глава села, умный и рассудительный мужик попал как-то в ситуацию. Стала у него голова дергаться. Так вроде ничего, разговаривает и вдруг, посреди разговора, что такое? Жители села заговорили, обсуждая невиданную хворь. Конечно же, пришли к выводу, это, говорят, сглаз, не иначе! Сглаз и сглаз, он внимания не обращает, только еще и руки задрожали, ровно у пьяницы с перепою.

Сельские взбунтовались, на нашего председателя (а все его называли по-советски не иначе, как председателем) да сглаз навести, не позволим!

Насилу он от них вырвался, добег до церкви, батюшка, что делать, ведь окаянные, что удумали, целый языческий обряд хотят провести! Хотят? Пусть проводят, но не с главой села. Погрузились мы в председательский «газик» и рванули, дай бог, к моему знакомому городскому лечащему врачу больницы. Он направил к невропатологу. Оказалось, не так страшен черт, как его малюют, нервы и возраст, вот голова и руки и затряслись. Вернулись с кучей таблеток, а сельским велели, раз, так радеете за здоровье председателя, собирайте травы, чтобы успокоительные сборы делать. Занялись, сами успокоились, а со временем и у председателя голова с руками трястись перестали.

8

Пришел раз, мужик. Дождался окончания службы. Я, говорит, батюшка, ни в бога, ни в черта не верю, но куда ни кинь, всюду клин. Засада одним словом, а не жизнь. Стал я его расспрашивать, мужик все кивает, все подтверждает. Женат, спрашиваю? Отвечает, женат. Женился на тихой, скромненькой девушке, а сейчас такою ведьмою жена сделалась, хоть из дома беги. Детишки есть? Есть, подтверждает, пока маленькими были, души в нем не чаяли, папусей называли, сейчас выросли, зверями глядят, не иначе жена – ведьма их подговаривает, против меня настраивает. Работа есть, спрашиваю. Принялся мяться и таиться. Тут председатель, на грех мужика, мимо проходил. Увидал, кричит со смехом, что батюшка и до тебя наш бедовик докопался?! Как так, спрашиваю, бедовик? А так! Какую работу ему не дай, всякую проспит, уж очень поспать любит! Присмотрелся я к мужику, и без лекарей стало понятно, что болезнь его точит. Упрекнул председателя. Повезли мы в «газике» бедовика к знакомому уже врачу городской больницы. После анализов оказалось, необходима госпитализация, а не догадайся я, помер бы мужик! Ух, как жена его забегала и дети стали считаться, после лечения председатель подобрал сидячую работу, в своей администрации жалобы населения записывать, на звонки телефонные отвечать.

9

У Лизаветы Максимовны, женщины тучной, неповоротливой, сны были всамделишние, вещие. И всякий раз, когда кто из подружек всходил на крыльцо ее дома, она кричала с торжеством в голосе: «Я так и знала, что ты придешь! Намедни тебя во сне видала!»

Но тут приехала ее свекровь, женщина совсем старая, девяносто лет, как она сама говорила, – «раскрасавица»!

И Лизавета Максимовна потерялась, ну не снилась ей свекровь. Давным-давно их пути-дорожки разошлись. После смерти супруга столько воды утекло, о свекрови заботились оставшиеся двое детей, и чего принесла нелегкая? Оказалось, перед смертью приехала прощаться. Пришли обе в церковь, одной девяносто, другой семьдесят лет. В обнимку стоят, ревут, друг друга хоронят. Свекровь понятную речь ведет, а Лизавета Максимовна убивается, что свекровь во сне не видала.

Обе просят.

Девяностолетняя плачет: «Батюшка, благослови легко помереть!»

Семидесятилетняя ревит: «Батюшка, благослови, дар не потерять!»

Ровно дети малые, конечно, благословил, раз, просят.

10

Случилось так, что и в самом моем доме, глупенькую и наивную девушку Светланку местные кумушки ввели в смущение. Так уже повелось, Светланке очень нравятся сарафаны. Вместе с матушкой Настасьей она их готова шить денно и нощно. Но кто же носит сейчас сарафаны? Молодежь полуголая ходит, мужики в спортивных штанах, женщины в ночные пижамы одеваются и так, без стеснения, повсюду появляются, заменяя изредка пижамы на домашние халатики. Народ перестал за собой следить и только в церковь или на праздники достают из пыльных шкафов праздничные костюмы и платья, а тут на-ко сарафаны!

Светланка к тому же девчонка улыбчивая, всегда словоохотливая, с белой косой до пояса, ну кто же сейчас косы носит? Когда в моде короткие прически – кудрявые одуванчики, а у молодежи – мальчиковые стрижки?!

Увидели Светланку в сарафане да еще сарафане с вышитыми по подолу яркими подсолнухами, обомлели. Она пройдет, так все столбом и замирают.

Начали ко мне в церковь набегать, на Светланку нашептывать, дескать, ты, батюшка, ее приветил, а она, тому подмигнет, этого поманит, гляди, скоро в подоле принесет, ребенка на крыльцо подкинет, а сама уйдет гулять, юбкой мести!

Пришлось жестокосердие людское упрекнуть мне с паперти! После службы стоял, отчитывал седых старушек, первых сельских сплетниц, как школьниц.

А Светланка, знать ничего не знала, распевала птичкой, радовалась, когда на цветастый ее сарафан садилась бабочка обманутая вышитым подсолнухом. Взрослая девушка с детским сознанием!

11

Трудолюбива была девочка Анна, трудолюбива, но мечтательна. Вся ее жизнь была в розовых фантазиях и домашние, обычные люди с крестьянскими душами никак не могли взять в толк, в кого она такая уродилась? Вроде, дед и бабушка всю жизнь проработавшие на земле не отличались тонкой духовной организацией, дед изредка играл на деревянных ложках, а бабушка искусно плела корзины из лыка, вот и все их таланты. Отец – тракторист и выпивоха скандалил пьяным и мать – сильная тетка привыкшая управляться с молодыми бычками, связывала крепкой веревкой и без церемоний запирала мужа в баньке. Мать не обладала абсолютно никакими талантами, разве частушки сочиняла буквально на ходу. Но, ни в какое сравнение все родственники не шли с Анной. Еще пяти лет она начала рисовать фантастические миры и утверждала, что миры эти существуют. Она сочиняла сказки и рассказывала их всем, кто желал ее слушать, в основном, детям помладше себя. Родственники надеялись, что со временем это пройдет, но миновало семь лет, десять лет, а ситуация не менялась. И бабка с дедом придумали, что семья их проклята, а отец с матерью поддержали. С тем и пришли ко мне, хорошо не в соседний поселок рванули, по слухам там подвизается знахарка, которая уж конечно не упустила бы своей выгоды. Пришлось в сельской библиотеке подбирать литературу про рождение гениальных детей в простых семьях. Чем это вызвано, допрашивали меня в доме Анны, когда я прочитал им всю лекцию. Стало быть, бог поцеловал вашу дочь в чело и искорку божественной силы ей передал, на том и успокоились. А преподаватель по рисованию в школе занялся развитием художественного дара Анны отдельно.

12

Как гром и молния, так все село вымирает. Прячутся, кто, куда! А тут, гроза налетела, когда в церкви праздничная служба шла.

Что тут началось! Будто конец света наступил. Бабы воют, мужики мечутся по храму, старухи причитают, дети ревут. Перекричал всех, заставил «Отче наш» хором петь, тут и гроза пролетела, распахнули мы двери, а над храмом гроза раскинулась – разноцветная радуга. Куда и страх подевался, такие уж люди странные создания, унывают, плачут, а подари им всего один солнечный лучик и улыбки вперемежку с надеждой расцветают на лицах.

13

Конечно, есть свои сумасшедшие. В основном, представители колдовских семей, но не признающих свою истинную сущность. Им тяжело, они сходят с ума. Одна такая повадилась водосвятные молебны заказывать в церкви, притащит три трехлитровых бидона, всю святую воду из чана вычерпает. После, весь дом свой и вокруг дома святостью зальет, но ничего не помогает. Взвалила на себя церковное правило, не в каждом монастыре решатся на подобное, а она с утра до ночи читает утренние, дневные, вечерние молитвы, присовокупила еще и псалмы, каноны, акафисты. Но бесы не отпускают, повсюду ей кажутся. На стенах, в рисунках обоев и однотонном рисунке подоконников видит отпечатки своих преследователей. Чем кончится? А ничем! Закрыть двери храма для таких душ я не смею, жаль их, а пуще сочувствую детям колдунов впавших в хаос, ни детства, ни юности, ни жизни у них нет. Много смертей, безумия, предательства и откровенного жестокосердия в подобных семьях. Что делать? Поговорить с преследователями, бесами своего рода, убедить их в своей невменяемости, глупости, идиотизме и они отступят, может даже, навсегда, такие случаи бывали.

14

Пьяниц на селе мало осталось, вымерли. Но те, кто остался, не боятся ни бога, ни черта, ни жену. Бессовестные, совесть на дне стакана утопили. Но все же и у них изредка мелькает страх смерти.

Придет такой пьянчужка, встанет на колени в притворе, шапку снимет и всю службу ревит, слезами умывается. Осознал ты, спрашиваю? Ответит непременно, что бес попутал. Я ему, нет уж, изволь отвечать за себя, никакому бесу до тебя и дела нету. Как так нету, удивляется, всю жизнь учили, что есть? Я ему, не обольщайся и не вали с больной головы на здоровую, незачем ангелов, пускай даже ангелов Сатаны делать козлами отпущения. Бесы занимаются только теми, кто им принадлежит и такой человек с детства знает, почему им бесы занимаются. А ты, говорю, пьешь по собственному почину, точно также, как развратник растлевает непорочных дев не в силах удержаться от неутолимого желания, ты заливаешь свою алчность горячительными напитками. Бросают ли пить? Бросают, но редко, так редко, что по пальцам можно пересчитать. Жаль опойц, их удел – место обитания самоубийц в геенне огненной, они ведь самостоятельно приняли решение убить себя, а сколько на их совести загубленных жизней кровных родственников и не счесть!..

15

Чудачкой Машей называют на селе одну бабулю. Бабуле уже много лет и она забывает все на свете. В магазин пойдет, дом запрет, так от калитки вернется, проверять, выключила ли свет, закрыла ли вьюшку у печки. Проверит, успокоится, двери закроет, за калитку зайдет, на полпути к магазину остановится и вернется в дом опять проверять, выключила ли свет, закрыла ли вьюшку у печки. Половину дня убьет на то, чтобы до магазина добраться, а до магазина от ее дома минут пятнадцать ходу и то неторопливым шагом. После бежит в церковь, батюшка, плачет, черти у меня время украли, все сериалы пропустила, не посмотрела, вышла из дома утром, а вернулась к вечеру…

16

Есть и бесноватые, как не быть, бесноватых в каждой церкви хватает, всякий священник сталкивается с этой напастью.

Бесноватые службу стоять не могут, в обмороки падают. Я им даю послабление и они, либо на скамейке в храме сидят, либо в притворе возле входных дверей слоняются. Иногда быстро теряют сознание, и матушке Настасье приходится хлопотать, нашатырь к носу подносить, водой святой умывать. Иногда, на ватных ногах, сами до выхода добираются, тут им способствует свежий воздух. Много ли бесноватых? Да, с десяток наберется и старых, и малых. Есть и детки бесноватые, этих особенно жалко. Первыми ко причастию подходят. После причастия обморочное состояние бесноватых отпускает. Почему так? Потому что из проклятых родов, иногда из колдовских семей, главы которых впали в хаос. Проклятые рода? По моим наблюдениям, бесноватые не могут похвастаться крепкими семейными традициями, проклятие накладывает отпечаток на действия потомков и через десять поколений, брат предает брата, сестра выгонит на улицу родную сестру. Одним словом, бесноватые происходят из семей, где проклятие из поколения в поколение обрушивается снова и снова на более предприимчивых, черствых, бездушных. Конца и краю этому ужасу нет. Одни устраивают ад при жизни для других. Вот слабенькие и страдают, в обмороки падают. Сильные, напротив, пролезают к самому клиросу, нарочито крестятся, громко поют, мешая моему церковному хору, а церковный хор у меня хорош, дети поют из набожных семей и руководит хором учительница пения из сельской школы.

17

С проклятиями и сглазами тоже беда. Чуть что, бегут ко мне, жалуются. Вот батюшка, говорит одна, вчера избу вымыла, вычистила, а сегодня опять в грязи, не иначе прокляли меня. Выясняется, прибиралась без очков, потому как не могла найти, а утром обнаружила, на тумбочке лежали, надела, ахти, изба-то какая грязная!

Или мужик заберется на крышу, чинит, латает, гвозди прибивает. Ворона пролетит, он отвлечется, тяп себя по пальцу! Баба внизу, на улице что-то проорет, снова по пальцу молотком ударит. Сосед выскочит на крыльцо, ковер выбивать, мужик заглядится и с отбитыми пальцами ко мне, не иначе сглазили!

А уж с болезнями, насморками, кашлями потоку жалобщиков нет числа. Кивают друг на друга. Соседи сглазили. Значит, есть за что, спрашиваю? Потупятся, есть, шепчут и каются в мелких пакостях, которые не хуже чертей сами выдумывают и сами же исполняют.

18

В воскресенье, на праздники храм всегда переполнен. Яблоку негде упасть. Но особенно много, перед храмом толкается молодых мамашек с детками. В храм не заходят до последнего, лишь заглядывают, улавливая момент, когда чашу с причастием вынесу. Тут, похватав детей, будто невоспитанные цыганки, бегут, проталкиваются, выставляя напуганных суетой карапузов вперед. Никакие разговоры не помогают. Все едино. Придут со всего села с колясками, соберутся перед церковью и ни дождь, ни снег, ни холод не заставят отстоять службу. Объясняют? Говорят, детям тяжело. Но в то же время, у нас на клиросе именно дети и поют. И все они с грудничков в храме, самому младшему певцу четыре года, голосишко звонкий, на всю церковь слышно.

Иной раз спрашиваю, зачем они ко причастию детей таскают, ведь многие мамашки, будто разбойницы ни в черта, ни в бога не веруют. Оказывается, модно, все ко причастию и мы ко причастию!

19

С модой вообще беда. Насилу добился, чтобы женщины платками головы покрывали, а то забегали, простоволосые. Дескать на одну минутку, свечку поставить. Что поспособствовало? Мода! В сельпо шарфики блестящие завезли и все сельские женщины принялись эти шарфики покупать, но шею шарфиком не прикроешь, слишком узенький, а вот голову – пожалуйста! И модно, и красиво, да женщины много причин назовут. Также и с короткими юбками и с брюками, конечно, я считаю, в церковь хоть голышом, но приди! Однако сложился уже стиль одежды и для посещения храма он особый. Это своего рода уважение. Ты же в гости не придешь в папуасских перьях? Потому что хозяева дома посчитают себя оскорбленными. Вот, если хочешь оскорбить, пожалуйста!

Но тут идут, крестятся, на глазах слезы, а юбка едва срам прикрывает, как это возможно? Или брюки обтягивающие и почему-то, по моим наблюдениям, такие брюки носят исключительно полные женщины, а еще кофточку коротенькую, выставляя напоказ внушительных размеров ягодицы с трясущимся жирком. Такая перекреститься, поклониться, а вокруг смех. Какая из тебя молитвенница, кричат, иди в клуб, пляши негритянские танцы!

Суеверные, беда какие, суеверные. Налепят иконки на стекла автомобилей, приклеят к потолку, приборной доске прицепят, а попадут в аварию и ко мне, батюшка, плачут, вон сколько я иконок купил, не помогли, машину разбил, сам едва живым остался. Отвечаю, иконка, не талисман и не амулет. Икона – вроде фотографии, чтобы легче молящемуся было представить, кто есть кто из святых. Бывает, что через икону святой начинает действовать, оказывать помощь, но это сколько сил и искренней молитвы надо положить, где уж тут на автомобиле было бы разъезжать! Но разве объяснишь? Знай свое талдычят. Покупают бумажные иконки, обвешиваются, смотрю, у некоторых из нагрудных карманов Христос выглядывает. Ходят, бродят по улицам села, зато с амулетами!

20

Бандитов давно уже нет. Были, наверное, в девяностые, но я их не заметил, как-то не до того было, церковь едва выживала, старые купола проржавели настолько, что пропускали дождевую воду. Тяжело приходилось. Однажды, уже в конце девяностых в храм пожаловал человек. Зашел после службы. Встал на колени. Батюшка, руки по локоть в крови, грабил, мошенничал, целые семьи по миру пускал, люди умирали от моей алчности. Назвал себя черным риэлтером. Каялся, потому как почувствовал приближение смерти.

Но есть, к сожалению, есть такие ситуации, в которые не может вмешаться даже священник. Умер ли тот человек? О, да! Его мать вскоре приехала, хорошая женщина с человеческой душой. За сына все глаза выплакала и тут молилась, чтобы Господь пощадил его душу. Никакие деньги мира, никакое золото, никакие материальные ценности не заменят человеческой любви. Пускай хоть в рубище, но с людьми, это человеческий мир, здесь, надобно жить для людей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.